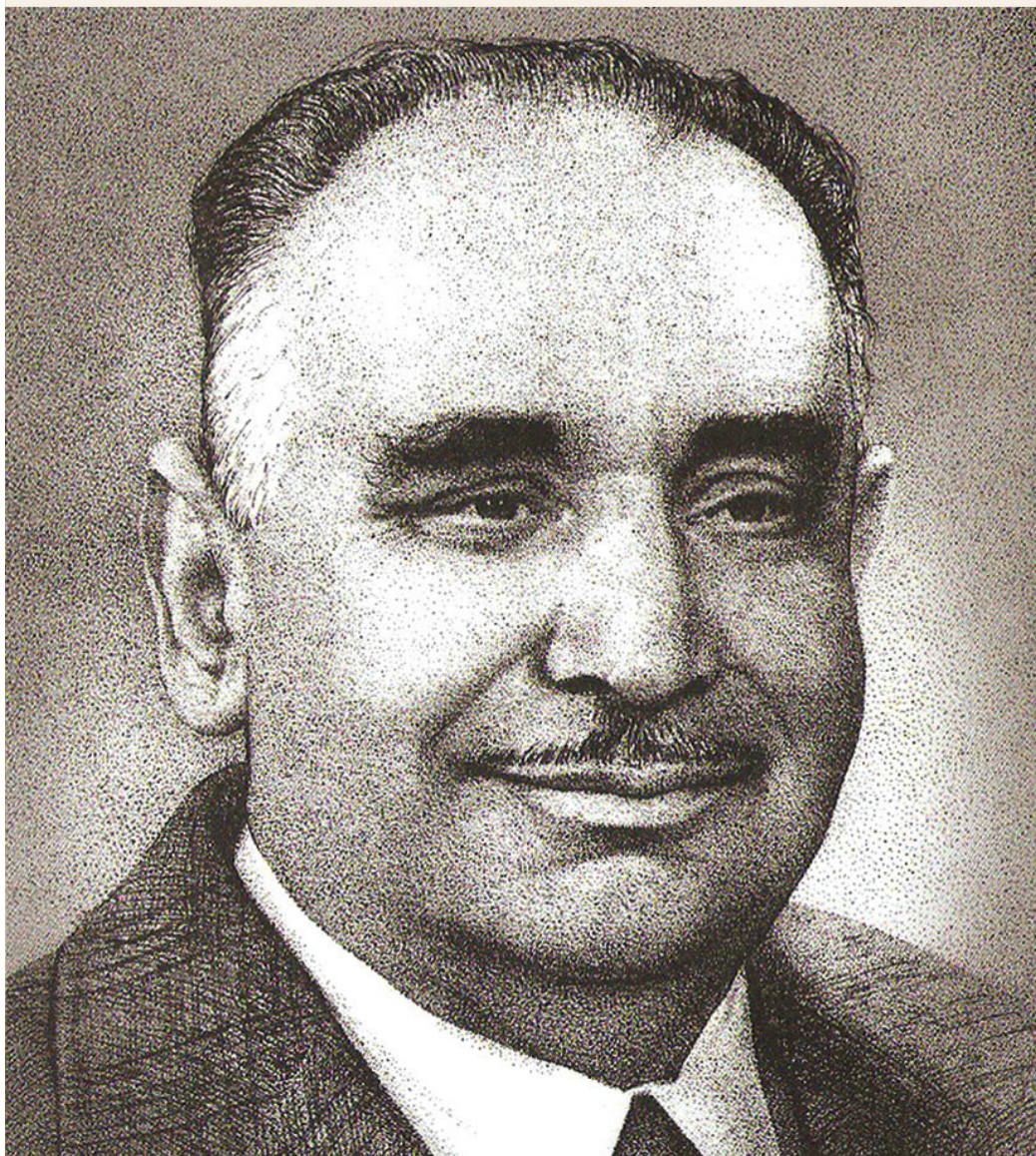

ВЛАДИМИР ЧИКОВ

СУПЕРАГЕНТ СТАЛИНА

ТРИНАДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ РАЗВЕДЧИКА-НЕЛЕГАЛА

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Владимир Чиков

**Суперагент Сталина. Тринадцать
жизней разведчика-нелегала**

«Алисторус»

2018

УДК 929:94(47+57) Григулевич И.
ББК 63.3(2)6-8 Григулевич И.

Чиков В. М.

Суперагент Сталина. Тринадцать жизней разведчика-нелегала /
В. М. Чиков — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-99-9

В 1950-е годы Чрезвычайным и Полномочным Послом Коста-Рики в Италии, в Ватикане и Югославии был советский разведчик-нелегал Иосиф Григулевич. В Мексике под руководством легендарного Павла Судоплатова он участвовал в организации покушения на Троцкого. За двадцать лет работы сумел стать гражданином десяти государств и работал под тринадцатью именами, завербовав более 200 агентов по всему миру. А после отставки стал доктором исторических наук и написал одну из лучших биографий Че Гевары. «Григулевич, – говорил о нем председатель КГБ Юрий Андропов, – вершина советской разведки, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом». В основу книги профессионального контрразведчика, журналиста и писателя Владимира Чикова легли досье Григулевича из архива СВР, воспоминания соратников этого феноменального человека и личные встречи с ним.

УДК 929:94(47+57) Григулевич И.
ББК 63.3(2)6-8 Григулевич И.

ISBN 978-5-907028-99-9

© Чиков В. М., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
От автора	9
Глава 1. Проникновение	12
Глава 2. Операция «Старик», она же «Утка»	19
Глава 3. Любовь – высшая степень переживаний	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Матвеевич Чиков
Суперагент Сталина: тринадцать
жизней разведчика-нелегала

© Чиков В.М., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Вместо предисловия

В новой книге Владимира Чикова рассказывается о «человеке с тысячью лиц», имя и длительная работа которого в тринадцати странах мира скрывались от общественности почти полвека, а его личное дело хранилось за семью печатями в стальных сейфах НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ СССР. И только после смерти было обнаружено, что этот уникальный человек был великим советским разведчиком. Впрочем, почему был? По словам известного английского писателя Джона Ле Карре, «великие разведчики не умирают никогда». Еще определеннее отозвался о нем бывший руководитель КГБ СССР Юрий Андропов: «Иосиф Ромуальдович Григулевич – это вершина советской разведки, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом».

Перу писателя Владимира Чикова принадлежит несколько книг о советских бойцах «невидимого фронта». Полковник в отставке, он сам много лет работал в органах госбезопасности и потому неслучайно новое его произведение – это наиболее полный и беспристрастный рассказ о легендарном советском нелегале Иосифе Григулевиче. Его участие в разведдеятельности началось в Испании рядом с такими асами, как Берзин, Орлов, Сыроежкин и Эйтингон. Позже стало ясно, что он во многом их превзошел. За два года до начала войны Григулевич по заданию московского разведцентра переехал в Латинскую Америку. По добываемым им самим «железным» документам его нелегальная деятельность продолжалась под самыми разными именами и фамилиями: Фелипе и Мануэль Родригес Бруксбанк в Мексике, Альмейдо Прадо Агамемнон в Уругвае, Хулио Бенитес в Чили, Луис Фальконе и Дэвид Давидсон в США, Мануэль Деликадо в Боливии, Хосе Ротти в Аргентине, Тронкосо Инес в Бразилии, Молина Миранда Антонио на Кубе и Теодоро Бонефиль Кастро в Коста-Рике.

Во всех этих странах его принимали за своего соотечественника. Наверное, потому, что Григулевичу была свойственна присущая латиноамериканцам легкая раскованность и особая внешность – смуглая кожа, иссиня черные волосы, темные глаза (караимские гены). И не только это, а еще и умение пользоваться своеобразным «кодом переключения», то есть способность вживаться в новую для него национальную среду, свободно входить в новую для себя роль, что позволяло ему с одинаковым успехом выдавать себя за аргентинца и уругвайца, за кубинца и мексиканца, за боливийца и чилийца, за бразильца и костариканца. А поскольку он в те годы не являлся еще гражданином СССР, то ему не приходилось раздваиваться и выкорчевывать из себя все то советское, – привычки, образ мыслей, поведение, – что могло вызвать подозрение. Когда же он выходил на встречу с агентом – будь то на площади Мурильо в Ла-Пасе или на бульваре Артигас в Монтевидео, – Григулевича было невозможно отличить от местных жителей, – во внешнем его облике поражало отсутствие каких-либо характерных, запоминающихся черт. Самой лучшей маскировкой для него была естественность манер и поведения, то есть он всегда и везде был естественным, неброским и расчетливым.

Вот эта врожденная способность незаметно сливаться с окружающими людьми, умение расположить к себе, знание десяти иностранных языков, склонность к авантюризму, который является неоценимым качеством каждого нелегала, острый аналитический ум, феноменальная память, математический точный просчет различных вариантов действий и возможных последствий от них, способность мгновенно принимать нестандартные решения в опасных ситуациях, изобретательность, хладнокровие и высокая конспиративность – все это вместе взятое и позволяло Иосифу Григулевичу добывать ценнейшую политическую информацию и при этом не «засветиться» за семнадцать лет работы за кордоном.

Успешная разведывательная деятельность Григулевича поражала коллег по службе: какое бы задание не поручали, он всегда выполнял его. Без напоминаний и указаний Центра он

знал, что актуально, а что нет, какая внешнеполитическая проблема требует дополнительного освещения, а какая в этом не нуждается.

Вне всякого сомнения Григулевич был и остается профессионалом высшей пробы. Достаточно сказать, что он завербовал около двухсот агентов по всему миру! Для него никогда не было барьеров. Его способность адаптироваться, впитывать культуру и традиции разных народов была поразительна.

Оказавшись в Италии как гражданин Коста-Рики, Теодоро Кастро-Григулевич обратил на себя внимание видных политических деятелей этой страны, которые приезжали в Рим. Им нравился оборотистый соотечественник, и ему предложили организовать поставку крупных партий кофе в Европу. Все складывалось настолько удачно, что через некоторое время он стал чрезвычайным и полномочным послом Коста-Рики в Италии, Ватикане и Югославии. Это само по себе поразительно. Ни до, ни после него в истории не было случая, чтобы разведчик-нелегал возглавил посольство. Да не своей страны, а чужой. И не в одном государстве, а сразу в трех.

Да, советские разведчики могли многое: они вербовали в разных странах мира и в разное время министров, послов, высокопоставленных чиновников из ближайшего окружения президентов, внешнеполитических ведомств и спецслужб противника. Но чтобы советский нелегал стал послом чужой страны, да еще в Италии и по совместительству в Ватикане и Югославии – это было настолько невероятно, что ни у кого тогда не укладывалось в голове. Особенно поражало, что Григулевич настолько вошел тогда в доверие к Папе Римскому Пию XII, что был восемнадцать раз принят им и получил из его рук за заслуги перед католической церковью орден Мальтийского креста.

Кстати, следует заметить, что Григулевич был настолько зашифрован, что даже советский посол в Италии Михаил Костылев в информации для МИДа охарактеризовал Теодоро Кастро как «реакционера и открытого недруга СССР». А министр иностранных дел Андрей Вышинский назвал его в своей речи на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1951 года) «цепным псом империализма».

Григулевича не раз пытались завербовать, но из этого ничего не вышло. Карьера коста-риканского посла, разведчика-нелегала складывалась весьма удачно, но через некоторое время его отозвали с Апеннинского полуострова и совершенно неожиданно уволили из разведки. Пришлось ему в сорок лет начинать жизнь заново. Но одно дело сменить легенду, другое – расстаться со своим призванием. Если прежде Григулевич менял лишь роли, оставаясь разведчиком, то теперь ему предстояло расстаться с главным делом жизни. Думаю, он сумел себя не потерять потому, что служил не только государству, но и идее. Ему предложили тогда работу в Комитете по культурным связям с зарубежными странами. И он с прежней энергией стал налаживать официальные контакты с иностранными общественными и политическими деятелями, с представителями науки и культуры. Стал вице-президентом обществ дружбы с Мексикой, Венесуэлой и Кубой, участвовал в работе многочисленных международных конференций и конгрессов.

Удивительно, но факт: признание и известность соотечественников он получил не в той области деятельности, в которой ему не было равных и в которой он уж точно заслужил звание Героя Советского Союза или России – по нынешним временам и стандартам. После службы в разведке Григулевич нашел себя в науке. Его безоглядная самоотдача не имела ничего общего с аскетизмом или жертвенностью. Он умел получать высшее удовлетворение от творческой работы. Защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР. Крупнейший специалист по истории католицизма, лучший знаток Латинской Америки. Плюс к тому – автор трех десятков книг, главный редактор и член редколлегии нескольких журналов, научных сборников и ежегодников.

Мне как бывшему руководителю нелегальной разведки нелегко отойти от личных оценок этой книги. Главное и бесспорное достоинство ее – в документальной достоверности, в

простоте и точности языка, в отсутствии литературных «красивостей» и излишних подробных описаний, которые иногда вызывают только недоверие.

Упоминаемые в произведении действующие лица – невыдуманные герои, лишь некоторым из них автор дал вымышленные имена и клички, чтобы нельзя было их узнать. Всё остальное – события в мире и нашей стране, складывавшиеся обстоятельства, общественно-политические процессы, места действия разведывательных операций – было и дает возможность читателю увидеть большой срез прожитого времени.

Особая притягательность книги «Наш человек в Ватикане» – в искренности и заинтересованности автора показать правду жизни. Эта заинтересованность, которая ощущается в каждой фразе, в каждой интонации и даже в расшифровке специфических в разведке терминов, псевдонимов бывших руководителей и сотрудников управления «С», создает внутреннюю связь читателя с автором и не позволяет ни на минуту утратить интерес и доверие к повествованию, хотя в нем нет ни погонь на машинах, ни пальбы из пистолетов. Все дело, очевидно, в том, что автор и герои его книги – люди одной Системы и что они единомышленники. Отсюда та подкупающая искренность, доверительность, с какой писатель Владимир Чиков рассказывает об уникальном советском разведчике-нелегале Иосифе Григулевиче. И поскольку речь идет о подлинных событиях и действующих лицах, выведенных на страницах книги под собственными именами, надеюсь, они подтвердят общеизвестную аксиому о том, что правда жизни интереснее и важнее вымысла и может быть не менее захватывающей, чем художественная проза.

*Юрий Дроздов, генерал-майор в отставке, начальник управления
«С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 годы.*

От автора

*Великие разведчики не умирают никогда.
Джон Ле Карре*

Рудольф Абель, Рихард Зорге, Конон Молодой, Дмитрий Быстролетов, Лев Маневич – эти имена давно уже на слуху и стали символом успехов советской нелегальной разведки. Широкая известность пришла к ним в результате провалов: к одним – в силу рокового стечения обстоятельств, к другим – из-за предательства кого-то из своих коллег или риска, на который шли сознательно, понимая, как важны и ценны для Родины поступающие от них совершенно секретные или особой важности сведения. Таковы парадоксы профессии разведчика-нелегала: чтобы стать знаменитым, «прогреметь» на весь мир, надо было «засветиться». А кто остался нераскрытым, кому с профессиональной точки зрения повезло больше, о тех мало кто знает и в России, и там, за кордоном. И вряд ли вообще когда кто-либо узнает, хотя по своему таланту, мужеству, профессиональному мастерству и ценности поступавшей от них информации и по всему тому, что можно назвать «высшим пилотажем» в разведке, они не только не уступали вышеназванным легендарным разведчикам, но и нередко превосходили их.

После выхода в свет моего двухтомника под названием «Нелегалы» бывший начальник управления «С» Первого главного управления КГБ СССР генерал Юрий Иванович Дроздов попросил меня написать книгу о тогда еще неизвестном уникальном разведчике-нелегале Иосифе Лаврецком, которого многие читатели знали как автора популярных книг из серии «Жизнь замечательных людей» – «Эрнесто Че Гевара», «Сикейрос», «Миранда», «Боливар», «Сальвадор Альенде», «Уильям З. Фостер» и другие. Подумав немного, генерал сказал: «Его можно смело назвать идеальным разведчиком. Он неоднократно доказывал, что и один в поле воин. Такой разведчик в любой другой стране составил бы гордость нации. Жизнь Григулевича – тема не для одной книги. Это был талантливый во всех своих проявлениях человек, я бы сказал «зубр» советской нелегальной разведки. Ему не было тогда, в двадцатом веке, и нет сейчас равных по линии ПР¹. Мне даже трудно сказать, кто он больше – разведчик или ученый? Писатель или редактор? После работы в разведке Иосиф Ромуальдович стал известным ученым, членом-корреспондентом Академии наук СССР и автором более 30 книг. В архиве СВР² хранится многотомное дело «Артур», вот и запроси его с целью ознакомления и подготовки документальной книги. Надо действительно рассказать об этом блистательном разведчике, о котором после его бурной жизни насочиняли слишком много разных небылиц, и тем самым убрать массу лжи вокруг его имени...»

Когда генерал Дроздов назвал настоящую фамилию Лаврецкого, то я сообщил ему, что в начале 1980 года мне посчастливилось встретиться в издательстве «Молодая гвардия» и познакомиться с писателем Иосифом Лаврецким, который приходил тогда, чтобы заключить договор на переиздание своей книги «Боливар» в серии «ЖЗЛ». Я был представлен ему как начинающий литератор, принесший заявку на издание своей первой повести «Сотвори себя». Григулевич выглядел тогда типичным латиноамериканцем: карие глаза, смуглая кожа и темные с блестящим отливом волосы; среднего роста, ладно скроен и коренаст. Стоило послушать его каких-нибудь пять минут, и я сразу понял, что встретил яркую личность и человека универсальных знаний. Особенно поражала его внутренняя свобода, смелость суждений и оригинальность мышления. Такие люди обычно надолго врезаются в память, они интересны и дороги не только для тех, кто сопричастен к их судьбе, но и для их знакомых. То, что писатель Лаврецкий

---

¹ Политическая разведка.

² Служба внешней разведки.

раньше был разведчиком-нелегалом, я тогда не знал и не скоро бы узнал, если бы он сам не рассказал мне как сотруднику 2-го Главного управления КГБ СССР о своей работе за рубежом.

Естественно, я заинтересовался его необычной судьбой и сказал, что очень хотел бы написать документальную книгу о его работе за кордоном и о тех строгих, жестоких временах со всевозможными ограничениями идеологического характера, но он категорически отказался: «Только после моей смерти!» Я отнесся к его заявлению с полным пониманием: конспиративность людей такой суперсекретной профессии, как разведчик-нелегал, всегда была неременным условием их безопасной жизни и работы за границей. И вряд ли вообще найдется какая-либо еще профессия, которая бы обрекала человека на полную безвестность, как при жизни, так и после смерти. Полистав тогда принесенную мною рукопись книги «Сотвори себя», Григулевич сказал: «Хорошо, чтобы не уносить с собою в могилу тайны моей разведывательной работы и чтобы была у тебя фактурная заготовка для замышляемой книги, я готов на последующих встречах рассказать кое-что о моей зарубежной жизни. В ней, кстати, роковым образом отразилась трагедия всей советской разведки с несвойственными ей карательными функциями...»

С Григулевичем я встречался много раз, мы беседовали по несколько часов, и я все больше убеждался тогда, что передо мной великий разведчик и героическая во всех отношениях личность.

Имя Григулевича стало известным общественности лишь в конце XX века. Однако из-за отсутствия достоверной информации о нем тогда рождались всякого рода домыслы и слухи, появлялись «факты» как позитивного, так и негативного характера. В вышедшей в 1997 году книге «Энциклопедия военного искусства» (серия «Разведчики XX века») о Григулевиче говорилось: «Когда-нибудь мы все же узнаем всю правду об этом замечательном человеке, бескорыстно посвятившем себя Идее и впоследствии осознавшем, что не особенно был нужен взрастившей его Системе». Это далеко не так. Он был нужен той Системе.

Изучив многотомное архивное досье «Артура» за № 78170, а также записав рассказы тех людей, которые знали его и контактировали с ним много лет, я беру на себя смелость утверждать, что советская «Система» никакого отношения к его «взрачиванию» не имела. Иосиф Ромуальдович родился в 1913 году в Тракае и сформировался как подпольщик в буржуазной Литве.

За революционную деятельность на территории Литвы и Западной Белоруссии дважды арестовывался и отбывал наказание в известной в те годы своей жестокостью тюрьме Лукишки. После освобождения снова попал в поле зрения полиции. Чтобы избавиться от надвигающейся опасности, ему пришлось покинуть Вильнюс и уехать в Варшаву, где ему была дана явка на конспиративной квартире. Волею случая на ней оказались участники Октябрьской революции, член исполкома Коминтерна Винцас Мицкявичус-Капсукас, полпред СССР в Польше Владимир Антонов-Овсеенко и председатель ЦК МОПРа³ СССР Елена Стасова. По их рекомендации он был направлен с заданием нелегально распространять во Франции социалистические идеи, в основном через печатные органы, и заниматься в Париже организацией антифашистской пропаганды. Работать же он должен был в польской секции Коминтерна в тесном контакте с такой же секцией во Французской компартии. Стасова, возвратившись в Москву, рассказала о своей встрече в Варшаве с Григулевичем начальнику внешней разведки Артуру Христиановичу Артузову, с которым она ранее работала в Петроградской ЧК. Фактически она навела Артузова на мысль о целесообразности привлечения молодого перспективного литовца к сотрудничеству за кордоном с советской разведкой. Как раз в это время к отъезду на нелегальную работу во Францию под видом австрийца словацкого происхождения, студента Сорбонны Карла Рошецкого готовился 24-летний сотрудник ОГПУ Александр Коротков. Артузов

---

³ Международная организация помощи борцам революции.

дал ему указание проверить новобранца Коминтерна по всем учетам и, если он чист, как стеклышко, взять в активную вербовочную разработку. Коротков так и поступил: после проверки по учетам он установил в Париже с литовцем Григулевичем личный контакт. К тому времени подпольщик из Вильно с французским паспортом на имя Мартина Эдмонда Антуана поступил в Высшую школу социальных наук и одновременно учился на подготовительных курсах при Сорбонне. Дважды в пригороде Парижа с Юзиком (подпольная кличка Григулевича в Литве) встретился помощник резидента в Париже Александр Коротков. Но довести дело до вербовки ему не представилось возможным. На третью встречу в Сен-Клу Мартин Эдмонд Антуан не явился: за два дня до планировавшейся вербовочной беседы он по срочному вызову проживавшего в Аргентине отца в связи с его резко ухудшившимся здоровьем выехал в морской порт Шербур, чтобы отплыть оттуда пароходом в Буэнос-Айрес. А теперь, со всей очевидностью, должна начаться глава первая.

Глава 1. Проникновение

Перед отъездом из Парижа Григулевич, не будучи уверенным в том, что ему удастся возвратиться во Францию, на всякий случай снялся с учета в парижском филиале МОПРа и попросил учетную карточку переслать в Буэнос-Айрес, а заодно и дать рекомендательное письмо, чтобы там в случае его невозвращения подключили бы оперативно без предварительной проверки к ведению политической деятельности.

Прожив у отца в провинции Энтре-Риос почти полгода, Григулевич получил направленную с курьером депешу от секретаря аргентинского филиала МОПРа Карла Духовного, вызывавшего его на связь в условленном месте Буэнос-Айреса. Когда Иосиф стал объяснять выздоровевшему к тому времени отцу, что должен вернуться во Францию, тот начал уговаривать его, чтобы он остался в Аргентине и нашел бы в ней свое поле политической деятельности. Пообещав подумать над его предложением, Григулевич отправился в Буэнос-Айрес.

Там с ним встретились и беседовали первые лица аргентинской компартии и филиала Коминтерна Витторио Кодовилья, Родольфо Гиольди, Муньес Диас и Карл Духовный. Они, как и отец, стали усиленно уговаривать его остаться в Аргентине и помочь им в борьбе с засильем немцев, с насаждаемым в стране фашистским «новым порядком» и с теми, кто разделяет нацистскую идеологию. Поняв, что местные партийные функционеры действительно нуждаются в его помощи и весьма заинтересованы в нем, Григулевич, овладевший к тому времени испанским языком, согласился с их предложением.

Через некоторое время ему были сделаны документы на имя аргентинца Хосе Ротти из провинции Энтре-Риос, где проживал его отец, имевший фабрику по производству лекарственных препаратов из диких трав. Для прикрытия своей нелегальной политической деятельности и поездок по стране Григулевич оформил себе удостоверение инспектора-контролера аптекарских магазинов от отцовской фабрики,

Новая политическая деятельность Хосе Ротти на латиноамериканском континенте началась с постоянных командировок по стране. Он побывал в девятнадцати из двадцати двух аргентинских провинций, в которых занимался не только пропагандистской работой, но и участвовал в многочисленных дискуссиях по внутрипартийным вопросам и в мобилизации общественного мнения против распространения «коричневой чумы» фашизма. За недозволенную политическую деятельность Хосе Ротти в числе других аргентинцев дважды арестовывался полицией.

Когда же фашизм проявил себя демонстративно в Испании и там началась гражданская война с мятежниками генерала Франко, Григулевич в ответ на призыв Исполкома Коминтерна встать всем на защиту Республики, не колеблясь, при финансовой поддержке отца и выданных послом Испании в Аргентине, известным на Пиренеях писателем-антифашистом Осорио-и-Гальярдо, документов на имя Хосе Окампо незамедлительно отправился в Барселону, а оттуда в Мадрид. Там он снова встретился со знакомым ему руководителем группы инструкторов Исполкома Коминтерна Витторио Кодовилья и генеральным секретарем ЦК испанской компартии Хосе Диасом. Они поселили его в отель «Гэйлорд» вместе с советским кинооператором из Москвы Романом Карменом, а на другой день представили командующему знаменитым Пятым полком республиканской армии, национальному герою Испании Энрике Листеру. Легендарный комполка распорядился назначить его своим советником по международным вопросам и одновременно политическим консультантом комиссара Контрераса. Тогда же Листер познакомил его с добровольцем из Мексики, командиром танкового подразделения Давидом Альфаро Сикейросом – известным художником-монументалистом. «Но поскольку

аргентинскому милисиано⁴ с испанской фамилией Окампо придется участвовать и в боевых операциях, то направьте его сначала в военно-учебный центр», – распорядился Энрике Листер.

Месяц Григулевич учился стрелять из разных видов оружия, бросать гранаты из окопов и водить машину, потом с оценкой «отлично» окончил двухнедельные курсы младших командиров. А через день ему доверили уже командовать небольшой интернациональной группой в боевой оборонительной операции перед Университетским городком Мадрида. Была поставлена задача – не дать противнику захватить Толедский мост и войти по нему в столицу Испании. Боевое крещение коминтерновец Григулевич выдержал успешно, слава о его боевой группе мгновенно распространилась по всему Центральному фронту. Вскоре после этого его перевели на должность помощника начальника штаба Мадридского фронта.

Но Григулевич не тот человек, чтобы превращаться в «штабную крысу», ему удастся убедить начштаба генерала Висенте Рохо отпустить его на передовые позиции линии фронта. Назначенный командиром роты он принимает участие в самых жарких боях под Гвадалахарой, Бриуэгой, Сигуэнсой, Брунете и на Сарагосском направлении. После блистательной победы республиканцев в Бриуэгской битве командование Двенадцатой интербригады устроило званый ужин. На него были приглашены советники из Красной армии и органов госбезопасности СССР, военные писатели Эрнест Хемингуэй, Илья Эренбург и Михаил Кольцов.

Командующий Пятым полком Энрике Листер взял с собой на этот ужин и удачливого во многих боях командира роты Хосе Окампо, где и познакомил его с главным советником СССР в Испании по вопросам госбезопасности, резидентом советской разведки Александром Орловым. По окончании торжественного мероприятия Орлов предложил Окампо встретиться на другой день на улице Веласкеса, 63 при входе в штаб интербригад. Стреляный воробей, резидент Орлов ничего не делал просто так, все его поступки, поведение, беседы и даже слова преследовали определенную цель. На этот раз он решил склонить Григулевича к согласию перейти на службу в органы безопасности республиканской Испании, а потом и в советскую разведку. На этот шаг Орлов пошел только после того, как изучил Окампо через свои источники в штабе Центрального фронта и через Витторио Кодовильо, который сообщил ему биографические данные на подпольщика из Литвы, назвал все его клички, имена и фамилии, по которым он жил и вел политическую работу во Франции и Польше.

Когда же Кодовильо озвучил подлинную фамилию Окампо, то Орлов сразу же вспомнил своего помощника по нелегальной резидентуре в Париже Александра Короткова и неиспользованную им вербовку литовского подпольщика, исчезнувшего тогда неизвестно куда. «То, что не успел сделать Коротков во Франции, должен завершить я в Испании», – твердо решил резидент Орлов.

Однако Григулевич начал при встрече задавать лишние вопросы: «Почему именно мне вы предлагаете такую работу?»; «В делах госбезопасности я полный профан. Смогу ли?»; «Сможете! – надавил резидент. – У вас есть для этого прекрасные данные: во-первых, хорошее прошлое. Во-вторых, владеете несколькими иностранными языками. В-третьих, вы – человек, свободный от семейных забот. В-четвертых, вы умеете входить в контакт с незнакомыми людьми. А самое главное, что роднит вас с разведкой, – это опыт вашей нелегальной деятельности в разных странах по линии Коминтерна. И если ты, – Орлов перешел на «ты», – согласишься перейти на службу в комиссариат госбезопасности Хунты защиты Мадрида, так называемой Сигуридад, то ты автоматически становишься и нашим секретным сотрудником, как бы внедренным в эту Сигуридад. В ней ты будешь заниматься очень интересной и увлекательной работой. Например, выявлением франкистских пятиколонников и фалангистской агентуры, участвовать в арестах и следственных мероприятиях... А если у тебя не будет получаться, вернешься

⁴ Доброволец.

обратно на фронт командиром роты или в штаб генерала Рохо. Но я почему-то уверен, что у тебя все получится...»

Окампо-Григулевич над предложением главного советника госбезопасности СССР размышлял недолго. Он давно любил Россию и ее народ за преданность революционным идеалам, за смелое и настойчивое строительство общества социальной справедливости, равенства и братства. Тем более, это были и его идеалы, за которые он боролся с нелегальных позиций в Литве, Западной Белоруссии, Франции, Аргентине, а теперь и в Испании. Подумав минуты две, он принял предложение резидента Орлова.

В Сигуридад Хосе Окампо многие считали настоящим испанцем, а другие – латиноамериканцем. По внешнему виду и владению разговорной речью на испанском языке он ничем не отличался от них. Учитывая его широкие умственные способности, находчивость, хватку и смелость, его стали загружать интеллектуальной работой под самую завязку. Первое испытание ему пришлось проходить в тюремной камере в качестве подставного офицера к плененному франкистскому генералу Педро де Сильва. Играя роль только что захваченного в плен штабного майора, Григулевич сумел расположить к себе генерала и выведал необходимые сведения для полного разгрома его дивизии. Затем последовали разработанные им самим операции по внедрению в дипломатические учреждения и жилые помещения посольств Финляндии, Перу и Турции, в которых давно уже находились фалангисты и их пособники из «пятой колонны» со своим арсеналом оружия и даже с мастерскими по его ремонту и изготовлению ручных гранат и бомб.

Когда эти «гнезда» пятиколонников были ликвидированы, Григулевичу поручили розыск укрываемого анархистами отъявленного врага республиканцев, шефа столичного отделения фашистской партии «Испанская фаланга» Фернандеса де Куэсты. Выполнив и это задание, Григулевич командирится по просьбе Орлова с группой вооруженных боевиков в день первомайского праздника в столицу Каталонии. В ночь под второе мая туда должны были прибыть с фронтов анархисты и троцкисты так называемой Рабочей партии марксистского единства – ПОУМ, основателем которой являлся проживавший в СССР Андрес Нин, и совершить под его руководством барселонский мятеж. Была поставлена задача – блокировать прибывавших с фронтов путчиков, арестовать зачинщиков, похитить их лидера Андреса Нина и ликвидировать его, не оставляя при этом никаких следов. Обязательство прихлопнуть вождя ПОУМ взял на себя Орлов. Эта операция была успешно выполнена, а мятеж подавлен.

Советник генерального консула СССР в Барселоне Александр Орлов, он же резидент советской разведки в Испании, опасаясь, что на Григулевича может пасть подозрение по похищению и убийству троцкистского лидера Андреса Нина, решил выцарапать своего удачливого помощника из испанской Сигуридад. Под предлогом подготовки новой наступательной операции республиканцев Орлов попросил комиссара Хунты защиты Мадрида Сантьяго Каррильо отпустить Григулевича обратно в штаб фронта к генералу Рохо. Тот, понимая всю серьезность положения на Центральном фронте, не стал упрямыться и через несколько дней сообщил Орлову о переводе Хосе Окампо в Барселону в его личное распоряжение. «Это то, что надо мне, лучшего и не придумать», – обрадовался советский резидент.

Планировавшаяся генералом Рохо новая операция наступления под Брунете завершилась полным поражением республиканцев, которых подвела дивизия слабовольного генерала Сиприано Меры. Дивизия отказалась воевать и, предательски покинув линию фронта, оголила большой участок боевых действий. Докладывавший советнику по безопасности Орлову о причинах поражения под Брунете начальник испанской военной контрразведки Густав Дуран затронул, как бы случайно, вопрос о загадочном исчезновении Андреса Нина и сообщил о том, что его, как считают социалисты, похитила группа неизвестных лиц, среди которых, по их утверждению, был инспектор Сигуридад, по внешнему облику похожий на Хосе Окампо.

– Подозрение на него пало еще и потому, – пояснил Дуран, – что его почему-то поспешно убрали из Сигуридад.

Резидент Орлов, убедившись в том, что его опасения оказались ненапрасными, направил в Москву срочную телеграмму: «В связи с непредвиденными обстоятельствами необходимо вывести Юзика⁵ в Аттику⁶. Прошу как можно оперативнее изготовить ему новые сапоги⁷ и доставить их нам экспрессом⁸. Характеристика на Юзика будет выслана в ближайшие дни».

Санкцию начальника внешней разведки на откомандирование в Москву Григулевича Орлов получил через неделю, а еще через неделю в Барселону прибыл из СССР курьер с изготовленными в Центре документами на имя Хосе Переса Мартина. Григулевич усиленно отказывался покидать Испанию в самый разгар гражданской войны и просил отправить его на фронт в интербригаду генерала Лукача⁹ или Клебера¹⁰, где его никто и никогда не сможет отыскать. Но Орлов, не раз замечавший, что Григулевич не всегда оправданно играет с опасностью, иногда даже рискуя собой, остудил его пыл: «Над тобой нависла реальная угроза облачения. Пока в Барселоне будет идти оформление выездных документов, проживешь под охраной в нашем пансионе на горе Тибидабо. Место надежное, и вид оттуда чудесный: вся Барселона видна как на ладони...»

* * *

В Москве Григулевича встретил заместитель начальника разведки Сергей Шпигельгласс. Он отвез его в гостиницу, дал советских денег и предупредил о том, что через день в десять утра водитель машины зайдет за ним и доставит его на Лубянку. Через два дня тот же водитель сопровождал его в кабинет начальника разведки Абрама Слуцкого, у которого в то время находился и сам Шпигельгласс. Беседа их длилась долго, Григулевич убеждал руководство разведки отправить его обратно в Испанию или в какую-нибудь из стран Латинской Америки. Однако с ним не согласились и сообщили о том, что ему предоставляется отпуск, во время которого он должен хорошо отдохнуть на одном из лучших курортов в Гаграх, а по возвращении будет решена и его дальнейшая судьба. Тогда Иосиф попросил разрешения съездить на два-три дня в литовский город Тракай и посетить там могилу матери. И снова он получил отказ: «Вам нельзя засвечиваться в Литве, поскольку вы будете еще работать за кордоном с нелегальных позиций. Мы поможем вам съездить туда в другой раз, загримируем так, чтобы никто вас не узнал».

– В таком случае, – не унимался Иосиф, – я прошу вас до другого раза решить вопрос о возможности моего вступления в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и принять меня в советское гражданство.

Последовал опять неопределенный ответ:

– Вы слишком многого хотите. Но мы доложим о ваших просьбах нашему наркому Ежову, который по совместительству является одновременно и секретарем ЦК ВКП(б).

– Когда я смогу узнать о его мнении?

– После возвращения из Гагр, – ответил Слуцкий.

Пока Григулевич находился в отпуске, начальник разведки при весьма загадочных обстоятельствах в возрасте сорока лет скоропостижно скончался в кабинете замнаркома внутренних дел Михаила Фриновского. На должность руководителя иностранного отдела был назначен не

---

⁵ Иосиф Григулевич.

⁶ СССР.

⁷ Документы, удостоверяющие личность (иностранный паспорт).

⁸ Курьер.

⁹ Венгр Мате Залка.

¹⁰ Австриец Манфред Штерн.

котировавшийся в разведке безликий Зельман Пассов. Он в присутствии Шпигельгласа довел до сведения Григулевича, что Ежов не имеет возражений против его желания принять советское гражданство и вступить в члены ВКП(б).

– При этом он сообщил нам о своем намерении встретиться с вами и переговорить по ряду интересующих его вопросов, – добавил Пассов.

– Я готов к этому хоть сейчас! – обрадовано воскликнул Григулевич.

– Нет, сегодня он не может. О дне встречи с ним мы сообщим вам по окончании учебы в Малаховке.

Григулевич удивленно передернул плечами и перевел взгляд на Шпигельгласа:

– Ничего не понимаю! Причем здесь какая-то Малаховка и учеба в ней?

Пассов, нахмуренно посмотрев на своего зама, спросил:

– Вы разве не говорили ему о Малаховке?

– Нет. Не успел.

– Понятно, – продолжал Пассов. – В таком случае я ставлю вас в известность о том, что нами принято согласованное с наркомом решение о направлении вас в учебный центр по повышению профессионального мастерства разведчиков-нелегалов. Располагается этот центр под Москвой в Малаховке. Там вы будете жить и учиться полгода. В интересах вашей же безопасности вы будете фигурировать там под псевдонимом «Макс». Другого имени у вас отныне нет.

Макс-Григулевич сразу сник: он никак не рассчитывал, что так долго задержится в Советском Союзе, и очень сожалел, что война в Испании может закончиться без его участия.

Через день Григулевича отвезли в подмосковную Малаховку. Особое внимание в процессе его учебы отводилось поиску, изучению и проверке нужных разведке людей, выявлению их сильных и слабых сторон, привычек и вкусов, их уязвимости, умению распознавать вероятность «подставы» со стороны противника.

Занятия по вербовке учебных объектов показали, что Макс умеет грамотно устанавливать контакты с разными людьми, что его оружием являлись при этом убежденность, спокойствие, такт, остроумие и понимание тех жизненных ситуаций, в которых находился вербуемый. Как хороший актер, Макс искусно играл заданную на каждую встречу с объектом вербовки роль, а при необходимости умел находить правильные варианты отхода. При изучении сугубо специфического вида деятельности – криптографии и азбуки Морзе – инструкторы поражались его феноменальной памяти, уникальной способности быстро и надолго запоминать большое количество цифр и информации. Вникая в мельчайшие особенности профессии разведчика-нелегала, он скрупулезно осваивал шифровальные коды и работу на «ключе», методы передачи материалов через тайники и другие премудрости разведывательного дела. Неслучайно в его характеристике отмечалось:

«...В процессе обучения проявил творческий подход и разумную инициативу. Считает и твердо убежден, что без знания иностранного языка, – особенно местного, национального, – не может быть разведчика, тем более разведчика-нелегала. Сам он, как показали занятия, хорошо владеет испанским и французским языками, без затруднений может вести беседы на любые темы. И несмотря на это, старался еще больше совершенствовать и тот, и другой язык.

Макс по характеру – живой, веселый и общительный человек, интересный и умный собеседник. Умеет хорошо выражать свои мысли и чувства и заразить ими других. Одним словом, обладает качествами, которые помогают ему находить общий язык с любым человеком. В разговорах с преподавателями и инструкторами его ник?по не принимал за русского, все считали его иностранцем. Да и сам он придерживался этой легенды. Коммуникабельность и обаяние, умение располагать к себе собеседника и артистично сыграть роль так, чтобы ему поверили, – все это свидетельствует о том, что в разведку пришел молодой, талантливый

разведчик, что этому таланту надо еще предоставить возможность расцвести. Вне всякого сомнения такие самородки, как Макс, составляют элиту любой разведки, от них зависит эффективность и устойчивость работы всего разведывательного аппарата.

Вывод: По политической и специальной подготовке, а также по своим личным и деловым качествам Макс может быть командирован в качестве разведчика-нелегала в любой район мира».

По возвращении в Москву из Малаховки исполняющий обязанности начальника разведки Сергей Шпигельгласс сообщил Григулевичу о том, что руководством Наркомата госбезопасности принято решение о направлении его на нелегальную работу в Мексику.

– С этой страной у нас нет дипломатических отношений, нет там и нашей легальной резидентуры, – пояснил Сергей Михайлович. – Поэтому вам придется создавать свою нелегальную резидентуру и приобретать надежных помощников в первую очередь во властных структурах и в близком к ним окружении. Через них и других своих агентов вам надо укреплять положительное мнение о нашей стране, о ее миролюбивой внешней политике и оказывать поддержку тем прогрессивным и патриотическим силам, которые выступают за добрые отношения с Советским Союзом...

Шпигельгласс сделал паузу, потом продолжил свой инструктаж:

– В основном вы будете заниматься в Мексике политической разведкой. Вы будете там, образно говоря, глазами и ушами России. Еще при создании иностранного отдела Феликс Эдмундович Дзержинский не раз подчеркивал, что только правильно поставленная разведка за кордоном может спасти Россию от неверных шагов во внешней политике. Вот исходя из этого положения и вытекает первая и главная задача внешней разведдеятельности – сбор политической информации, особенно той, которая касается Советского Союза и направлена против его интересов. Вторая задача – выявление замыслов США на латиноамериканском континенте, третья – содействие укреплению национальной независимости латинских стран и оказание выгодного для нас влияния на их внешнюю и торгово-экономическую политику. Об остальных не менее важных задачах вашей тайной миссии я уже говорил вначале беседы. Это и организация пропагандистской работы, рассчитанной на то, чтобы в латиноамериканских странах складывалось благоприятное впечатление о России. Получаемая вами информация политического характера должна быть выверенной, потому что по ней будут определяться наши взаимоотношения со странами Латинской Америки, а главное – будут приниматься важные политические решения.

– Мне одно непонятно, – вставил Григулевич, – почему это задание рассчитано не на одну Мексику, а на всю Латинскую Америку?

– Справедливый вопрос. Дело в том, что в перспективе мы намерены поручить вам вести разведку сразу в нескольких странах Южной Америки, в которых вам придется создавать свои нелегальные подрезидентуры. Руководить ими и направлять их работу будете лично вы. Об этом, кстати, с вами будет говорить перед отъездом в Мексику замнаркома Лаврентий Павлович Берия. И насколько я знаю, он намерен посвятить вас в разрабатываемую сейчас моим помощником Судоплатовым очень серьезную операцию в Мексике. Можно сказать, она планируется по личному указанию товарища Сталина. Поэтому вы, пожалуйста, не отказывайтесь от участия в ней.

– А в чем смысл этой операции? – поинтересовался заинтригованный Иосиф Григулевич.

Шпигельглассу его вопрос не понравился, он несколько раз мотнул головой, потом сердито обронил:

– Всеу свое время! Не надо бежать впереди паровоза! И последнее: учитывая, что путь в Мексику у вас будет проходить через Соединенные Штаты, задержитесь там на три месяца. В Нью-Йорке пройдете стажировку под руководством резидента Петра Давыдовича Гутцайта.

Отработайте с ним каналы связи и способы передачи информации из Мексики в его резидентуру. Для этого в Нью-Йорке надо вам завербовать двух-трех курьеров, желательно из числа женщин латиноамериканского происхождения. Они не настолько сильно вызывают подозрения при пересечении границы, как мужчины.

Перед заграничной командировкой Григулевича, действительно, принял Берия. Он выслушал доклад нелегала о готовности выехать в командировку в Мексику и повторил ему задачи, которые были уже озвучены Шпигельгласом. Затем Лаврентий Павлович рассказал молодому разведчику о непримиримой вражде, затаенной и безмолвной, между Сталиным и Троцким. После смерти вождя Октябрьской революции Владимира Ленина главным соперником Сталина в борьбе за лидерство в стране оказался нарком по военным и морским делам и одновременно председатель Реввоенсовета Лев Троцкий. В партии большевиков он пользовался тогда немалым авторитетом и популярностью как трибун революции. Зная это, его сторонники в 1926 году создали в Москве, Киеве, Свердловске, Харькове и других городах конспиративные центры «объединенной оппозиции». С того времени Троцкий стал главным мотором антисоветского движения, что не могло не вызвать серьезной озабоченности у Сталина и его единомышленников. В конце 1927 года они вывели Троцкого из состава ЦК ВКП(б), а затем исключили из партии. На XV съезде ВКП(б) троцкизм был объявлен вне закона, а через месяц «трибуна революции» сослали в Казахстан.

Однако Троцкий (псевдоним «Старик») не прекратил свою контрреволюционную деятельность и занимаемую им открыто враждебную оппозицию Сталину. Поэтому в феврале 1929 года особым совещанием при Коллегии ОГПУ он был выслан за пределы СССР. Но и за рубежом – сначала в Турции, а затем во Франции и Норвегии, – Троцкий не ослабил враждебную деятельность. Естественно, это стало еще больше раздражать в СССР руководство страны, и оно повело с ним острую тайную борьбу, особенно после его изгнания из Норвегии за недозволенную политическую работу.

Перебравшись с семьей в Мексику, Троцкий обосновался в предместье ее столицы – Койоакане и продолжил свою враждебную деятельность против СССР и Сталина. Поняв, что «горбатого» исправит только могила, Сталин дал указание Берии подготовить и провести в Мексике операцию по физическому уничтожению своего личного врага. В недрах НКВД начали прорабатывать несколько вариантов покушения. По одному из них Павлом Судоплатовым был составлен план мероприятий под кодовым названием «Старик», впоследствии переименованному в чекистскую операцию «Утка».

– В этих целях для подбора людей в Мексике заместитель начальника разведки Судоплатов предложил задействовать именно вас, – сказал Григулевичу Берия. – Я согласился с ним и со своей стороны прошу вас подойти к этому деликатному поручению очень ответственно и с соблюдением правил конспирации. Для покушения на Троцкого вам необходимо подобрать хорошо проверенных людей из числа бывших добровольцев – участников гражданской войны в Испании, выступавших на стороне республиканцев. Постарайтесь изучить все его окружение вплоть до дворника и садовника, его распорядок дня, отъезды из дома и кто его в таких случаях сопровождает. Считайте это моим личным и самым ответственным заданием...

В тот же день Григулевич получил документы на имя американца Дэвида Давидсона и поздним вечером выехал в Одессу, чтобы отплыть оттуда на пароходе «Калинин» в Северную Америку.

Глава 2. Операция «Старик», она же «Утка»

...До Мехико Григулевич добирался почти полтора месяца, сначала по железной дороге на территории США, потом по Мексиканскому нагорью верхом на лошади и пешком по крутым горным тропам. Длительное его нахождение в пути закончилось тем, что он неожиданно заболел тифом и сразу же ослеп и оглох. Лишь через несколько недель к нему в больнице вернулся слух, и первое, что он услышал по радио, это сообщение о знаменитом мексиканском художнике Давиде Сикейросе, организовавшем общественное движение в поддержку республиканцев, эмигрировавших из Испании после победы Франко в гражданской войне. Григулевич попросил лечащего врача разыскать Сикейроса и сообщить о том, что его однополчанин по войне в Испании, не называя фамилии, давно находится в больнице и хотел бы встретиться с ним.

Через два дня Сикейрос навестил его и рассказал о последних днях войны в Испании, о причинах поражения республиканской армии – нехватка людских резервов, боеприпасов и, наоборот, увеличение всего этого у противоборствующей стороны за счет помощи Италии, Германии и Португалии, а также о трогательном выступлении на прощальном параде интербригад в Барселоне легендарной Пассионарии – Долорес Ибаррури.

Посетовав на то, что стал в Мексике в двадцать пять лет инвалидом, Григулевич попросил Сикейроса найти и сообщить ему номер телефона председателя Конфедерации трудящихся Мексики Висенте Толедано.

– Зачем он тебе? – удивился Сикейрос.

– Через него я хочу получить наводки на лиц, которых можно будет использовать в подготовке и проведении операции по устранению находящегося в вашей стране Троцкого.

– Мне странно это слышать от человека, лежащего на больничной койке и притом ослепшего. Тоже мне, нашелся Николай Островский! Вот излечим тебя от слепоты, тогда и поговорим об устранении Троцкого.

Григулевич, беспомощно махнув ослабевшей от долгого лежания на больничной койке рукой, сказал:

– Мне кажется, бороться со слепотой уже бесполезно. Слава Богу, что вот слух вернулся, теперь я хоть по голосу могу узнавать людей и вести с ними разговор... А вот со зрением совсем плохо, и никакой надежды нет...

– Не отчаивайся, Хосе Окампо...

– Я теперь не Хосе Окампо, – перебил Сикейроса Григулевич, – а мексиканец Мануэль Родригес Бруксбанк. Под таким именем мне безопаснее находиться в вашей стране...

– Извини, Мануэль, что перебиваю, но дай мне договорить до конца по главному для тебя вопросу. Ты сейчас находишься не в Испании и не в Аргентине, а в Мексике, в стране, где несколько веков существовали цивилизации ацтеков, толтеков и майя. Эти индейские народы до сего времени сохранились в наших южных районах, и среди них есть прекрасные целители. Они и сейчас излечивают, казалось бы, неизлечимые болезни с помощью только им известных священных растений. Нынешние потомки ацтеков и майя в определенный месяц года и в зависимости от погодных условий собирают в горных хребтах Кордильер и только на высоте четырех тысяч метров специальные травы и соцветия для приготовления целительного снадобья. У меня есть знакомые целители, и, если ты будешь принимать их лекарства, уверяю, через неделю или дней десять к тебе вернется и зрение, и здоровье всего тела.

* * *

Ровно через две недели после приема рекомендованных снадобий к Григулевичу вернулось и зрение, и здоровье. И первым делом он вновь встретился с Сикейросом и повел с ним разговор напрямую от имени Коминтерна:

– Я приехал в Мексику, чтобы выполнить ответственное и секретное задание руководства Исполкома Коминтерна. Надо организовать покушение на Троцкого. Дело это чрезвычайной политической важности и секретности. И мы очень хотели бы, чтобы вы заняли в нем одно из главных мест.

Сикейрос едва заметно вздрогнул. Заметив это, Григулевич поспешно добавил:

– Исполком Коминтерна очень сожалеет, что Мексика два года назад, можно сказать, с распростертыми объятиями приняла этого политического пахана и меньшевистского шарлатана на священной земле Монтесумы. А ваша компартия почему-то не настояла тогда перед своим президентом о запрете въезда ему на территорию страны...

– Подожди, подожди, амиго Мануэль. Наша компартия неоднократно протестовала против разрешения въезда Троцкому в Мексику. Но президент Карденас не послушал нас и поддался уговорам Диего Риверы дать добро на его въезд. Диего в двадцать девятом году вышел из компартии. И когда он узнал, что Троцкого выслали из Советского Союза, то стал не только поддерживать с ним почтовую переписку, но и оказывать ему материальную помощь...

– Неужели Ривера был настолько богат в то время, что мог позволить себе финансировать этого человека? – удивился Григулевич.

– Да, мог. Диего Ривера являлся тогда и является сейчас одним из богатейших людей Мексики. Вот поэтому с ним и считался сам президент Карденас. И только поэтому он предоставил Троцкому политическое убежище. А Ривера даже поселил его в своем доме в Койоакане, в так называемом Каса-Асуль¹¹, – в своем пристанище Искусства, Вдохновения и Творчества. И, между прочим, он же подбирал ему телохранителей. Но и это еще не все. В прошлом году, как ты знаешь, под Парижем был создан Четвертый Интернационал троцкистов. По рекомендации Троцкого Риверу избрали в состав бюро этого раскольнического Интернационала, а немногим позже и генеральным секретарем мексиканской секции. Вот с того времени он и новел активную враждебную работу как против вашего Коминтерна, так и в отношении Советского Союза и мексиканской компартии. Но больше всего он удивил наш народ тем, что на одной из авторских фресок в здании Министерства просвещения изобразил Троцкого как вождя Октябрьской революции в России.

Убедившись в том, что Сикейрос остался на прежних революционных позициях, Григулевич осторожно заметил:

– Мне кажется, амиго, вы должны принять мое предложение на участие в ликвидации этого предателя дела рабочего класса.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг друга. Крупное тяжелое лицо Сикейроса с висящим подбородком было непроницаемым.

– Для этого нам потребуется еще несколько человек, – продолжал Иосиф. – Они нужны для сбора достоверных сведений о Троцком и его окружении; о порядке допуска к нему посетителей; где он проводит свободное время; выезжает ли за пределы Койоакана один или с женой. Кроме того, нас будет интересовать система внутренней и внешней охраны его виллы, план расположения комнат и в которой из них он проводит большую часть времени. Для изучения этих и других вопросов нам надо подобрать надежных людей, а затем уже и прямых исполнителей покушения.

---

¹¹ Синий дом.

Сикейрос, похлопав Григулевича по плечу, спросил:

– Но зачем так много людей вовлекать в это дело? Неужели вы не понимаете, что одна фраза, неосторожно брошенная кем-нибудь о готовящемся покушении, может сорвать все ваши планы? Не проще было бы кому-то одному пристрелить его на улице или около своего дома?

Иосиф решительно возразил:

– Но около него всегда бывает охрана из трех или четырех человек. А что касается возможной преждевременной утечки информации о готовящемся покушении, то от случайностей никто, конечно, не застрахован. Чтобы не было таких случайностей, мы не всех будем посвящать в планы операции, разрабатываемой в Москве. Полную информацию о том, кто и что будет делать в ней, ее участники получают в самый последний момент.

Сикейрос кивнул.

– Ну а поскольку я уже посвятил вас в наши планы, – продолжал Григулевич, – то мне хотелось бы услышать от вас, амиго Сикейрос, твердый ответ: согласны ли вы лично участвовать в такой операции? Я не скрываю, что, возможно, придется рисковать даже тем, что принадлежит лично каждому человеку, – своей жизнью.

Сикейрос хотел что-то сказать, но Григулевич опередил его новым вопросом:

– А может вы как художник не готовы еще к участию в таких делах?

Сикейрос побагровел, большим и указательным пальцами он взялся за переносицу и, посмотрев с упреком на своего визави, твердо ответил:

– Не сомневайся во мне, амиго Мануэль. Я понимаю, что зло, исходящее от Троцкого, должно быть наказано, иначе оно породит новое зло и мы все утонем в нем. – Он снова задумался, потом вдруг спросил: – Но почему ты именно ко мне обратился за помощью в таком, как ты говоришь, рискованном деле? Разве у Коминтерна нет в Мексике своих людей?

Иосиф понимающе кивнул и, не колеблясь, ответил:

– Они, конечно, есть, но я хорошо знаю вас по боевым действиям в Испании. Вы доказали там преданность революционному делу и верность борьбе за справедливую жизнь на Земле. На вас можно положиться, а это – главное!

Сикейрос кивнул и, скорее обращаясь к себе, чем к Григулевичу, негромко проговорил:

– Это хорошо, конечно, что ты первым делом обратился за помощью ко мне. Я помогу тебе...

– Спасибо, амиго Сикейрос. Теперь важно, чтобы и впредь душа была тверда и чтобы страх не подавал совета.

– Страх не будет. Когда ты сможешь ознакомить меня с планом этой операции?

И хотя Григулевич еще не был посвящен в разрабатывавшийся Центром план операции «Утка»¹², он, чтобы выглядеть в глазах Сикейроса человеком компетентным, с уверенностью ответил:

– План окончательно пока еще не разработан. Насколько мне известно, в нем предполагаются два возможных варианта. Они оба приемлемы, но один из них мне представляется предпочтительным...

– И что же это за варианты? – заинтересовался Сикейрос.

– Я бы предпочел пока не говорить о них, – не растерялся, слукавил Григулевич. – Я сообщу вам все, когда будет утвержден в Москве детальный сценарий этого покушения.

– Так когда он будет готов?

---

¹² В марте 1939 г. И. В. Сталин отдал руководству НКВД распоряжение о ликвидации Л. Д. Троцкого. В разведке под руководством П. А. Судоплатова был создан специальный штаб, который приступил к составлению «Плана агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка». Мануэль Родригес Бруксбанк ничего не знал о нем, находясь в это время в Мексике.

– Думаю, месяца через два. Все будет зависеть от оперативности получения мною вспомогательных и очень важных для разработки операции сведений по койоаканскому объекту, то есть по вилле Троцкого... И, разумеется, по подбору людей, необходимых для реализации этого плана.

– И сколько же их нужно вам?

– Много! Человек двадцать.

– Национальная принадлежность участников операции будет иметь какое-то значение?

– Нет, не будет. В операции должны участвовать и мексиканцы, и те милисиано, которые после войны в Испании эмигрировали в вашу страну. Самое главное, чтобы люди были безграничной преданности, отважные и умеющие держать язык за зубами. Если у вас есть такие, то, пожалуйста, предлагайте прямо сейчас.

– Но имей ввиду, амиго Мануэль, что и техническое обеспечение этой операции станет не менее важной стороной дела. Оружие должно иметь стопроцентную гарантию.

– Давайте оставим этот вопрос на потом. Сейчас главное – добыть необходимые сведения о койоаканской вилле, о ее обитателях и охране. Потребуется общая схема расположения виллы, какой высоты ограда, из какого материала она сделана, общая ее протяженность, оборудована ли она системой сигнализации? Есть ли внутренняя охрана по периметру? Это в-первых...

– Позволь, я сразу отвечу на «это первое», – прервал его Сикейрос. – Вилла расположена на тихой, малолюдной улице Лондона, обнесена высоченной бетонной стеной. Особняк превращен в неприступную крепость с железными решетками на окнах и автономной системой сигнализации. По внутреннему периметру виллы задействован отряд из десяти полицейских и часовых из числа местных троцкистов. Всех входящих и выходящих проверяет наружная и внутренняя охрана.

– Откуда у вас такие подробные сведения? – усомнился Григулевич.

Сикейрос расплылся в улыбке:

– До прибытия Троцкого в Мексику я был не раз на этой вилле. А что касается охраны, то недавно мне рассказывал о ней брат жены. Он, как и я, тоже художник, и в числе других компаньеро занимался оформительскими работами в особняке Диего Риверы.

– О! Это уже интересно! – воскликнул Иосиф. – И как давно он там работал?

– В прошлом году.

– А не мог бы он по вашей рекомендации встретиться со мной и помочь мне в выяснении некоторых вопросов по вилле? Кстати, он – надежный человек?

На лице Сикейроса заиграла затаенная улыбка:

– Узнаю прежнего, испанского Хосе Окампо, – всегда цепкого, ловкого и схватывающего все на лету. Но давай все же покончим со всеми вопросами, касающимися виллы в Койоакане, потом уже поговорим о подборе кандидатур для проведения самой операции.

Григулевич кивнул.

– Нам хотелось бы выяснить прежде всего уязвимые точки в обеспечении безопасности койоаканского затворника и получить план расположения его спальни и рабочего кабинета.

– Вот это уже конкретика, – с удовлетворением отметил Сикейрос.

– А между прочим, вы так и не ответили на мой вопрос, касающийся брата вашей жены. Не могли бы вы все же назвать его имя и фамилию?

– Его зовут Леопольдо Арреналь. Когда мы с тобой воевали в Испании, он в то время занимался оформительскими работами Синей комнаты Диего Риверы. Думаю, что Леопольдо будет полезен в плане получения необходимой тебе информации.

– А вы уверены, что он захочет мне помочь? И вообще, я уже спрашивал вас, можно ли доверять ему так же, как вам?

Давид Сикейрос засмеялся:

– Я ручаюсь за него. Можешь встретиться с ним, сославшись на меня.

– Спасибо! Но было бы лучше, если бы вы сами намекнули ему, что с ним хотел бы встретиться Мануэль Бруксбанк. Не ошибитесь только с моей фамилией и именем, не называйте ему прежнее имя Хосе Окампо. И если можно, дайте мне его домашний телефон...

– Он сам найдет тебя в отеле. Я скажу ему об этом.

– Очень хорошо. А как насчет еще нескольких человек, которых можно было бы использовать в подготовке и проведении планируемой операции.

– Пожалуйста, записывай... Значит, так... Леопольдо Арреналь – раз. Его брат Луис – два. Твой бывший подчиненный в бою под Мадридом и мой хороший ученик по живописи Антонио Пухоль – три. Капитан республиканской армии в Испании Нестор Санчес Эрнандес – четыре. Он сейчас здесь, в Мехико. Майор той же армии Давид Серрано Андонегги – пять. Марио Эррера Васкес – шесть...

Григулевич, вскинув голову, спросил:

– Не помню Васкеса... Кто он такой?

– Это электрик из моей мастерской. Ты его не знаешь, но я за него ручаюсь... Так, кого бы еще назвать. – Сикейрос, сделав паузу, начал вспоминать, потом, взмахнув рукой, воскликнул: – Чуть не забыл твоего тезку Мануэля дель Вильяра Серко! Помнишь этого чилийца? Он тоже был в Испании...

– Да, хорошо помню. До невозможности был смелый человек! И так он у нас седьмой по счету. Есть еще кто-то?

– А как же! Скрытный и благородный аргентинец Хосе Сааведра – восемь. Мануэль Родригес Бруксбанк – девять и я – Давид Альфаро Сикейрос – десятый. Хорошая компания, не правда ли?! Все, кроме братьев Арреналей и Марио Васкеса участвовали в гражданской войне в Испании.

– Но этого количества, однако, недостаточно... Надо еще столько же боевиков, не посвящая их в суть предстоящей операции. У нас найдутся другие кандидатуры?

– Найдутся. Дай мне какое-то время подумать, кого можно еще привлечь к этому делу.

– Хорошо, компаньеро Сикейрос. Теперь скажите, когда вы можете сообщить о них?

Давид Альфаро недовольно поморщился, но мягко и вежливо ответил:

– Подходи ко мне в мастерскую в это же время через пару дней. Нс раньше.

Григулевич кивнул и тут же попрощался с Сикейросом:

– Адюос. Фуэнте овехуна!¹³

* * *

После встречи с Давидом Сикейросом Григулевич сам выехал в район Койоакана. Два часа он изучал расположение, подходы и подъезды к вилле Диего Риверы, у которого проживал изгнанник из России. Срисовав все, что можно было, Иосиф вернулся в отель. В тот же вечер его навестил посланный Сикейросом художник Леопольдо Арреналь. Он подтвердил, что не раз ему приходилось бывать на вилле Риверы, и по просьбе Иосифа тут же нарисовал схему расположения охраны по всему периметру виллы с показом контрольных вышек и помещений внутри особняка.

Однако передать эти сведения в Центр Григулевичу не представилось возможным: связь с нью-йоркской резидентурой, через которую осуществлялся выход на Москву, внезапно прекратилась. Это вынудило его направить гневное письмо в Нью-Йорк на подставной адрес резидентуры.

---

¹³ До свидания. Все друг за друга!

Но и после этого Москва и Нью-Йорк по-прежнему долго молчали. Не зная, что предпринять для налаживания связи с Центром, Григулевич продолжал со свойственной ему увлеченностью и активностью приобретать без санкции Москвы источники информации, которые он планировал использовать для выполнения операции по делу «Старик».

Собранные по заданию Москвы сведения по Троцкому и его близкому окружению Григулевич вынужден был хранить при себе, что было небезопасно лично для него. К тому времени у него закончились еще и деньги, которые присылал отец по его просьбе. Создавшееся положение настолько угнетало, что иногда у него стала возникать предательская мысль: плюнуть на все и уехать к отцу в Аргентину, где всегда был бы и сыт, и мил. Единственное, что удерживало его тогда от этого поступка, так это отсутствие денег на дальнюю дорогу. Не видя выхода из неблагоприятно сложившейся ситуации, молодой разведчик-нелегал от отчаяния решился на рискованный шаг: без санкции Центра поехать в Нью-Йорк и самому выйти на кого-нибудь из сотрудников резидентуры, чтобы выяснить, почему прервалась связь с Москвой и как ему теперь вести себя. Но Бог уберег его от этого опрометчивого шага: мексиканец Леопольдо Арреналь неожиданно запросил у него внеочередную встречу. На ней Леопольдо сообщил сногшибательную новость о том, что Троцкий и его семья покинули виллу Диего Риверы.

Иосиф, обомлев, двумя руками схватился за голову:

– И куда же он мог сбежать от него?

– Не знаю.

– Получается, что все наши труды пошли коту под хвост?.. – медленно протянул Григулевич. Он был мрачен, подавлен и раздражен. – Хорошо, что не успел я еще отослать в Москву имеющиеся у меня сведения по вилле и твою схему... Но куда же он мог исчезнуть, кто мог приютить его?.. Попробуй все же, Леопольдо, поинтересоваться у Риверы, куда мог слинять его друг Троцкий?

– Теперь они уже не друзья, – раздумчиво пробормотал Арреналь.

Пропустив мимо ушей реплику Леопольдо о том, что Ривера и Троцкий уже не друзья, Иосиф с негодованием произнес:

– Неужели этот Иуда почувствовал или кто-то сообщил ему, что мы охотимся за ним?

– Возможно и почувствовал, но никто, кроме него самого, об этом не знает.

– Ничего не понимаю! У Риверы Троцкий как сыр в масле катался. Был на полном его обеспечении, имел надежную охрану, и вдруг он срывается с насиженного теплого места. Что бы это значило?

Леопольдо мягко улыбнулся и, как бы между прочим махнув рукой, обронил:

– Да это все кошечка виновата...

– Ну о чем ты говоришь?! – возмутился Иосиф. – Какая еще кошечка?!

– Наша, мексиканская. Молодая и красивая.

Иосиф еще больше разозлился и гневно выпалил:

– Перестань, Леопольдо, шутить! Мне сейчас не до шуток!

– Я вполне серьезно говорю о кошечке, которая пробежала между Риверой и Троцким. И зовут эту киску Фрида Калло. Она – известная в Мехико актриса и подающая надежды художница. И между прочим жена Диего Риверы. Под ее магическими чарами теряли и теряют голову многие мексиканцы...

– Но при чем здесь Троцкий? – вспыхнул опять Григулевич. – Он же по натуре – пуританин в семейных отношениях, придерживающийся самых строгих правил. Да и по возрасту он в отцы ей годится. Троцкому же под шестьдесят, если не больше. А ей сколько?

– Лет тридцать. Но ты, очевидно, забываешь афоризм любимого мною русского поэта Алехандро Пушкина: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благородны». Поэтому и Троцкий не устоял перед красавицей Фридой Калло. Он не только публично восхищался ее умом

и талантом, но и постоянно уделял ей повышенные знаки внимания. Дело дошло до того, что он стал писать и передавать ей тайно любовные записочки. Потом это стало известно Диего Ривере и супруге Троцкого Натали Седовой. Натали простила мужу все, когда он признался ей в этом, а Диего – не простил. Несмотря на попытки Троцкого уладить как-то этот деликатный вопрос, Ривера не пошел на это и отверг напрочь дружбу с ним. И личную, и политическую.

– Теперь мне понятно, – вздохнул Иосиф, – почему в печати стали появляться статьи за подписью Риверы, в которых он с резкой критикой обрушивался на Троцкого. Да и президента Мексики за связь с этим коллаборационистом начал поливать в печати грязью.

– Меня это не удивляет, – скривился Арреналь. – Я давно знаком с Риверой, этот человек довольно неустойчивых политических взглядов, он может дружить с кем угодно. Не исключено, что пройдет какое-то время и он поменяет свою политическую окраску, отшатнется от троцкистов и заявит о своем желании снова возвратиться в компартию Мексики¹⁴, в которой он раньше состоял.

– Бог с ним, это его проблемы! Нас сейчас больше всего должен интересовать Троцкий. Надо срочно узнать, куда он мог деться? Как теперь найти его? – Григулевич кисло взглянул на Леопольдо, ожидая от него обнадеживающего ответа.

И он получил его – Арреналь ободряюще произнес:

– Завтра вечером я все узнаю от самого Диего Риверы.

Через два дня Леопольдо сообщил Иосифу хорошую новость:

– Никуда наш коллаборационист не исчезал. Он переехал на соседнюю улицу Вены.

– И кто же пригласил его на улице Вены?

– Никто. Троцкий сам приобрел для себя не менее прекрасный особняк.

– А кто же помог ему в этом?

– Меня этот вопрос не интересовал, но Ривера сказал, что виллу на улице Вены он купил с помощью американских единомышленников, которые отстегнули ему энную сумму долларов. Кроме того, Троцкий получил от иностранных издательств солидный куш за незавершенную книгу под названием «Сталин». А перед тем как купить этот особняк, он продал свой архив за несколько тысяч долларов Гарвардскому университету...

И тут Иосиф вспомнил о своей беседе в Москве со Шпигельгласом, который обсуждал с ним вопрос не только о покушении на Троцкого, но и об уничтожении его архива. Подергав недоуменно мочку уха, Григулевич снова спросил:

– А откуда стало тебе известно о продаже архива?

– От знакомого мне Боба Шелдона Харта.

– Кто такой?

– Американец. Недавно он был принят в охрану Троцкого. Летом прошлого года я познакомился с ним на одной из улиц Манхэттена в Нью-Йорке. Там я продавал тогда свои картины. Он подошел ко мне и поинтересовался: «Не мог бы я написать его портрет?» Я спросил, сколько он может заплатить мне за это? Когда мы сошлись в цене, он представился мне Робертом Шелдоном Хартом и попросил называть его просто Бобом.

Когда я сделал портрет, он пригласил меня к себе домой, в гости. Сказал, что его отец тоже хотел бы иметь портрет, исполненный мною, и даже похвастался, что отец его дружит с директором ФБР мистером Гувером. Именно этим мистером он тогда и отпугнул меня. Я, естественно, отказался идти к его отцу в гости. А где-то через два дня Харт снова пришел к тому месту, где я продавал картины, и сообщил, что он остался без портрета. Он подарил его своей любимой девушке и стал уговаривать меня написать новый портрет. Но я и на этот раз отказался, сказал, что это будет уже другой, непохожий на тот первый портрет... После

---

¹⁴ Так оно и получилось: в конце Второй мировой войны Диего Ривера – всемирно известный художник – признал свои политические ошибки, порвал с троцкизмом и, сделав крупные денежные взносы, снова вступил в мексиканскую компартию.

этого мы надолго расстались. А вчера совершенно случайно встретились в центре Мехико, выпили текилы за нашу встречу, и за непринужденным разговором Боб рассказал, как он попал в охрану Троцкого. Оказывается, его рекомендовал в охрану сам мистер Гувер. Кроме него самого, сообщил Боб, на вилле есть охранники из Англии, Германии и США...

– А ты не спросил, почему в охране Троцкого так много иностранцев?

– Харт объяснил это тем, что Троцкий после разлада с Риверой перестал доверять мексиканским троцкистам и полиции. И поэтому попросил США заменить ему охрану и обустроить безопасность его нового убежища.

– Что-нибудь в этом плане уже сделано на его вилле?

– Боб рассказывал мне, что вместо деревянного забора, окружавшего патио на улице Вены, уже поставили бетонную стену с колючей проволокой и сигнализацией по всему периметру. Сейчас там заменяют входные деревянные ворота на железные и началось сооружение высокой наблюдательной башни с мощным прожектором.

– Выходит, он по-прежнему опасается за свою жизнь. Что ж, амиго Арреналь, придется тебе снова изучать обстановку вокруг его новой виллы, систему охраны, порядок оформления пропусков и план расположения жилых комнат, спален и рабочего кабинета. Я и Сикейрос очень рассчитываем на твою помощь...

Заметив в глазах Леопольдо искорки гордости за высокое доверие, Григулевич с пафосом добавил:

– Мы можем надеяться на тебя?

– Да, я беру на себя такое обязательство. Но мне не совсем понятно, почему Харт был так откровенен со мной? Почему он так доверчив¹⁵ со мной?

– Так это же хорошо! – подхватил Иосиф. – Он видит в тебе надежного собеседника, с которым можно свободно общаться на английском языке и тому подобное.

– Может быть и так, – согласился Леопольдо.

* * *

В конце июня 1939 года, когда Григулевич потерял уже всякую надежду на связь с советской резидентурой, прибыл курьер из США. Он передал указание о необходимости его приезда в Нью-Йорк для встречи с новым резидентом Гайком Овакимяном.

Перед тем как отправиться в США, Григулевич встретился в обусловленном месте с Леопольдо Арреналем. От него он получил информацию о том, что Троцкий по-прежнему опасается за свою жизнь и, чтобы обезопасить себя, стал часто менять свою внешность и в сопровождении двух-трех телохранителей, не предупреждая их заблаговременно, уезжать вместе с ними надолго в горы. Иногда он не показывался на вилле целыми неделями. В койоаканскую резиденцию Троцкий возвращался только глубокой ночью или ранним утром, чтобы никто не мог увидеть его внезапного возвращения.

– Не раз Троцкий признавался Харту, что его мысли часто возвращаются к революции в России и к тем ошибкам, которые он допускал вместе с Лениным. Но чаще всего он высказывал недовольство тем, что к власти пришел Сталин и что злой дух его витает по сей день даже здесь, в Мексике, в каменном патио на улице Вены...

---

¹⁵ Мануэль Бруксбанк и Леопольдо Арреналь не знали тогда, что 25-летний американец Роберт Шелдон Харт был специально завербован в Нью-Йорке советской разведкой для внедрения в охрану Л. Троцкого и имел псевдоним «Амур». Оставаясь длительное время без связи с советской разведкой, «Амур» принял Леопольдо за того человека, которому должен был «сливать» всю информацию по койоаканской вилле.

– Мне кажется, – прервал его Иосиф, – что Троцкий предчувствует свою гибель... Кстати, ты не задумывался, почему он доверяет свои мысли малоизвестному молодому американцу Харту?

– А доверяет он ему потому, что Харт не мексиканец, а американец, отец которого дружит с директором ФБР мистером Гувером.

– А может быть, Харт нам вешает лапшу на уши?..

– Нет, компаньеро Бруксбанк, он не обманывает нас. Недавно я ездил к Харту по его приглашению на улицу Вены и убедился, что Боб сообщал мне достоверную информацию. Я сам видел: на вилле заменили забор на высоченные бетонные стены с колючей проволокой и современной сигнализацией. Достраивается уже башня с прожектором и тому подобное.

– Что еще ты увидел там или узнал?

– Во-первых, значительно ужесточен порядок посещения виллы. Войти в убежище Троцкого можно только через единственную стальную дверь или въехать через массивные железные ворота, предварительно нажав кнопку электрического звонка. Все посетители, входящие и выходящие, проверяются внутренней и внешней охраной и допускаются туда только без вещей и только в сопровождении телохранителя. Проникнуть незаметно на территорию виллы практически невозможно.

– А если сделать подкоп под стены, ограждающие виллу?

– Бесполезно. Незваных гостей разорвут на части выдрессированные злые собаки. Они бегают там по периметру без привязи. Это во-первых. Во-вторых, Троцкий начал увеличивать службу внутренней охраны. Появились, как сообщил мне Харт, новые охранники. – Арреналь достал из нагрудного карманчика тенниски скомканный клочок бумаги, распрямил его и начал неторопливо называть их имена: немец Отто Шуисслер, англичанин Вальтер Карлей, американцы Чарльз Корнелл, Жак Купер и начальник внутренней и внешней охраны Гарольд Робинс.

– Спасибо тебе, амиго Арреналь. Дай мне твои записи, они могут пригодиться мне.

– Пожалуйста, – Леопольдо протянул ему помятый клочок бумаги.

Спрятав записи в карман, Иосиф еще раз поблагодарил его за полезную информацию и сообщил о ближайшем своем отъезде из Мексики на неопределенное время.

– Пока меня не будет здесь, ты постарайся, пожалуйста, – попросил он Арреналь, – и дальше отслеживать обстановку на вилле Троцкого. А чтобы ты не фигурировал в наших документах под настоящим именем, я предлагаю тебе взять какой-нибудь псевдоним. Например, Алехандро Моралес. Как ты на это смотришь?

По кислой гримасе на лице собеседника Григулевич понял, что предложение это не понравилось ему, и потому поспешно добавил:

– Пойми правильно, Леопольдо, это в наших с тобой интересах: никто не должен знать о твоей связи с Коминтерном.

Леопольдо опять соорудил гримасу и после короткой паузы пояснил:

– Вы не так поняли меня. Моралесом я не хотел бы быть. Я готов стать в ваших документах просто Алехандро. Это имя созвучно с именем Пушкина, моего поэтического кумира.

– Это даже хорошо! – воскликнул Иосиф. – Имя Пушкина будет объединять нас. Итак, ты теперь Алехандро.

* * *

Уезжая в Нью-Йорк, Иосиф не знал и не мог даже предполагать, что он вернется в Мексику лишь через полгода и что за это время ему придется побывать в далеких друг от друга странах на разных континентах, пережить немало тревог, ожиданий и опасений за свою жизнь...

В Нью-Йорке ему сообщили, что Сталин без каких-либо замечаний одобрил план агентурно-оперативных мероприятий «Утка», разработанный с учетом его сведений из Мехико, и что по указанию разведцентра он должен теперь выехать в Советский Союз для получения инструкций по делу «Старик».

...В Москве новое руководство разведки высоко оценило работу Григулевича по подбору людей в Мексике для выполнения операции «Утка»; ему сообщили, что с планом мероприятий по «Старику» он будет ознакомлен в процессе беседы с наркомом Берией.

– Лаврентий Павлович в целом доволен вашей работой, – заметил новый начальник разведки Павел Фитин. – При этом он просил побережь вас для других не менее важных дел в Латинской Америке. В данный момент мы ставим перед вами очередную, не менее важную задачу по созданию нелегальных подрезидентур в соседних с Аргентиной странах. После Мексики вы вернетесь в Буэнос-Айрес по своим прежним документам на имя Хосе Ротти. Надо вам закрепиться там. Для этого попытайтесь создать собственную фирму прикрытия. Например, по сбыту фармацевтической продукции вашего отца...

– А как же операция «Утка»? – задержался Григулевич. – Или вы отстраняете меня от этого дела?

– Нет, почему же, – улыбнулся Фитин и перевел взгляд на своего заместителя Павла Судоплатова. – «Утка» остается пока с вами, – шутливо обронил он. – Можете ее отстреливать через подобранных вами исполнителей. Так ведь, Павел Анатольевич?

– Да. Общее руководство операцией на месте будет возложено на известного вам по событиям в Испании Тома, – ответил Судоплатов. – То есть Эйтингона. А здесь, в Центре, ответственным за мероприятия по «Старику» назначен я. Обо всем остальном мы поговорим завтра в кабинете наркома внутренних дел...

* * *

На встрече с разведчиком-нелегалом Берия поинтересовался выполнением поручения по делу «Утка» и возникавшими трудностями в работе, потом нарком посмотрел на часы и, взглянув на Фитина, неожиданно для всех объявил:

– В час ночи я должен быть в Кремле, на приеме у товарища Сталина. Поэтому мы сейчас прервемся, а через два часа снова встретимся этим же составом у меня...

Возвратившись из Кремля, Берия пригласил ожидавших его в приемной Фитина, Судоплатова и Григулевича в свой кабинет, заказал всем чай и, обращаясь к разведчику-нелегалу, негромко заговорил:

– Я сообщил товарищу Сталину о вашем приезде в Москву и нашей незаконченной беседе. Вождь остался доволен моим сообщением об успешно проведенной вами подготовке операции «Утка» и поставил перед нами задачу по нанесению удара по всем центрам троцкистского движения за рубежом. При этом в который уже раз товарищ Сталин упрекнул меня в том, что чекисты, несмотря на его указание о ликвидации врага номер один, по непонятным для него причинам до сего времени ничего не смогли сделать с ним.

Берия, сделав паузу, посмотрел на Судоплатова. Тот приглушенным голосом сразу же отозвался:

– Но вы же знаете, что расправиться с ним нам длительное время не удавалось по ряду причин. Во-первых, он не задерживался подолгу ни в одной зарубежной стране: ни в Турции, ни в Норвегии, ни во Франции. Времени для проработки всех вопросов нам всегда не хватало. Во-вторых, у него надежная и большая охрана. Чтобы хорошо изучить ее слабые и сильные стороны, как это сделал сейчас Григулевич в Мексике, у нас тогда не было возможности...

– Ну, хорошо, не будем повторяться, – перебил Судоплатова необычно тихим голосом Берия и, взглянув на Григулевича, сказал:

– Вам лично товарищ Сталин просил выразить благодарность за настойчивость и преданность при выполнении задания в Мексике. Прошу вас, Павел Михайлович, – нарком повернулся к начальнику разведки, – за успешное проведение подготовительного этапа операции «Утка» и создание условий для завершающего этапа представить к награждению Григулевича орденом Красной Звезды. Указ товарищ Сталин подпишет в том случае, если Троцкий будет на том свете.

Фитин встал и отпрапортовал:

– Мы доложим вам, товарищ нарком, такое представление.

– Хорошо, садитесь. Теперь мы должны обсудить, кто может стать непосредственным руководителем группы исполнителей операции «Утка». Начнем опять с вас, Павел Анатольевич, поскольку вы являетесь руководителем специально созданного штаба по разработке этой операции.

Ранее Сталин и Берия уже обсуждали этот вопрос в Кремле. Они остановились на кандидатуре мексиканского художника Давида Альфаро Сикейроса. Но Берия, чтобы снять с себя ответственность в случае неудачного покушения и свалить потом вину на руководителей внешней разведки, решил перестраховаться и потому поставил вопрос в их присутствии.

Судоплатов, глядя на сидевшего напротив Григулевича, хотел было назвать его фамилию, поскольку он занимался организацией и подготовкой боевиков, но в самый последний момент передумал и сказал:

– Учитывая, что Том, уже выехавший в Мексику, утвержден организатором этой акции на месте, но по соображениям конспирации он не может в ней прямо участвовать, как и присутствующий здесь разведчик-нелегал Григулевич, поэтому, мое мнение, группу боевиков должен возглавить товарищ Сикейрос...

Григулевич был ошеломлен: ему было до глубины души обидно, что не он станет руководителем этой группы. Берия, заметив его волнение и намерение что-то сказать, произнес:

– Сейчас мы предоставим вам слово. Пусть Павел Анатольевич закончит свою мысль.

– Почему именно Сикейрос? – продолжал тем временем Судоплатов. – Да потому что он лучше, чем кто-либо другой, знает подобранных исполнителей по делу «Утка», Он же должен взять на себя закупку и хранение оружия, а также приобретение одежды для экипировки боевиков под полицейских или военнослужащих. В плане агентурно-оперативных мероприятий эта группа значится под условным названием «Конь»¹⁶. В качестве резервной мы задействовали вторую группу под названием «Мать». Возглавит ее сорокашестилетняя испанка Каридад Меркадер...

– Она наш агент? – перебил его Берия.

– Да, Лаврентий Павлович. Она и ее сын Рамон завербованы в Испании три года назад товарищем Эйтингеном.

Переведя взгляд на Фитина, Берия спросил:

– А что нам может сказать в отношении выбора руководителя группы «Конь» начальник разведки?

Павел Михайлович встал, одернул гимнастерку и, посмотрев на наркома, почтительно-корректным тоном произнес:

– Я тоже считаю, что это должен быть Сикейрос. А Иосифа Ромуальдовича, как незаурядного молодого разведчика-нелегала, нам надо побереечь и как-то обезопасить. При подборе исполнителей он мог уже засветиться перед ними.

Нарком задвигался в кресле и, не глядя ни на кого, недовольно рыкнул:

– Ну, хорошо, а что в таком случае должен делать наш молодой и незаурядный разведчик-нелегал?

---

¹⁶ Под этим же псевдонимом Давид Сикейрос проходил в плане мероприятий по делу «Утка».

– Я предлагаю отвести его от участия в операции. Он и так уже многое сделал для ее подготовки, – ответил Судоплатов.

– Нет, так дело не пойдет! За что же мы будем потом давать ему орден?! – резко обронил Берия. – Да, он участвовал в подготовке операции, но он же не хуже Сикейроса знает подобранных и изученных им лично ликвидаторов. Вот пусть вместе с ними и доводит дело до логического завершения. Если не в главной роли, то на вспомогательной его вполне можно было бы использовать. Пусть Эйтингон определит, где его лучше задействовать. А впрочем, давайте послушаем мнение самого Иосифа Ромуальдовича...

Посчитав себя несправедливо обиженным, Григулевич хотел встать, но ноги его плохо слушались. Берия, заметив его замешательство, махнул рукой:

– Говорите сидя. Вы там, на Западе, не привыкли почитать старших по возрасту и по должности.

– Я, товарищ нарком, готов участвовать на любом участке операции. Будь это налет с оружием в руках на входных воротах виллы или при проникновении в рабочий кабинет... Или в спальню Троцкого. – Григулевич подбирал слова осторожно, стараясь, чтобы Берия правильно понял его. – Словом, я готов на все, выполню любой приказ...

Нарком смотрел на Григулевича, не спуская глаз.

– А какое лично у вас мнение в отношении выбора руководителя группы? Может быть, у вас, как человека, занимавшегося формированием этой группы, есть другие, более достойные кандидатуры?

Разведчик-нелегал подумал секунду-другую, потом улыбнулся и полуслушья обронил:

– Других кандидатур, кроме моей, у меня нет.

Не придав значения его реплике, Берия снова спросил:

– А можем ли мы стопроцентно полагаться на иностранца Сикейроса, доверяя столь ответственное задание руководителя чужого ему государства?

– Можем, – искренне и твердо заверил наркома Григулевич. – Сикейрос известен в Латинской Америке как художник-монументалист. Он первым в Мексике бросил вызов «чистому», салонному искусству, основал и возглавил Национальную лигу борьбы против войны и фашизма. А в испанской республиканской армии дослужился до подполковника...

– А вы не задавались вопросом, Иосиф Ромуальдович, откуда у известного художника появились вдруг качества боевого офицера? – неожиданно повернул разговор в другую плоскость нарком Берия, подмигнув Судоплатову.

– У него, товарищ нарком, прекрасное военное прошлое! – не растерялся Григулевич. – Он с юношеских лет принимал участие в мексиканской революции с оружием в руках, затем сражался в повстанческой армии. Искусство и политическая борьба для него всегда были неразделимы. Это показала и гражданская война в Испании, где он сначала был командиром бригады, а потом командовал дивизией. Это сильный и мужественный офицер, отличавшийся большой личной храбростью и высоким авторитетом среди бойцов республиканской армии...

– Достаточно, Иосиф Ромуальдович, – остановил его Берия. – Вы убедили меня в правильности сделанного нами выбора. Итак, я утверждаю Сикейроса руководителем первой группы. На него же возлагается приобретение оружия и необходимой экипировки для боевиков...

Берия сделал небольшую паузу, посмотрел загадочно на Фитина и громко произнес:

– Переходим ко второй проблеме, на которую сегодня обратил внимание товарищ Сталин. По его указанию прошу вас, Иосиф Ромуальдович, по прибытии в Мексику довести до сведения Сикейроса и Эйтингона, что число жертв при осуществлении покушения на Троцкого должно быть с нашей стороны минимальным. Это необходимо для того, чтобы потом не разразился нежелательный для нас международный скандал, в ходе которого нашу страну начнут представлять в неприглядном виде, а нам придется потом оправдываться. О «руке Москвы»

в Мексике никто не должен знать. Пусть Сикейрос сам готовит своих людей к покушению на Троцкого. А вам и Эйтингону приказываю, – произнес он голосом, не терпящим возражений, – не встречаться впредь ни с кем из исполнителей операции. Необходимую работу по «Утке» вы должны теперь проводить только через Сикейроса. Если кого то из его боевиков полиция зацепит и начнет допрашивать по факту налета на койоаканскую виллу, то все они должны давать одинаковые показания. Они должны говорить, что нападение являлось продолжением протеста мексиканцев против проживания Троцкого в их стране. А чтобы возбудить у них и у самого Сикейроса жгучую ненависть к Иуде двадцатого века, вооружите их вот этим выступлением Троцкого.

Нарком взял со стола отпечатанный на машинке листок и, поправив пенсне, начал читать:

– Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам стран Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн...

Берия сделал паузу, отпил глоток воды из стакана и снова обратился к Григулевичу:

– Послушайте, что он дальше говорит: «Если мы раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупления, до идиотизма, до животного состояния...» Представляете, что несет за границей этот масон тридцать третьей степени! Ну чем не Гитлер?!.. А мы вот все терпим его. – Нарком уставился исподлобья тяжелым, свинцовым взглядом на Судоплатова, потом, смягчившись, сказал: – Возьмите, Иосиф Ромуальдович, этот текст и передайте его Сикейросу. Пусть он зачитает его своим боевикам перед тем, как напасть на виллу.

Берия передал листок Григулевичу, затем откинулся на спинку кресла и, неуклюже закинув ногу на ногу, обращаясь к начальнику разведки, сказал:

– План операции и все прилагаемые к нему материалы в целях обеспечения их секретности будут храниться у меня, в моем сейфе. Никаких следов об «Утке» в ваших делах и папках не должно оставаться...

В кабинете воцарилось гробовое молчание, все покорно смотрели на Берия.

– Будем считать эту тему закрытой, – продолжал он непреклонно. – Перехожу к последнему вопросу: что нужно сделать каждому из вас по операции «Утка». Вам, Павел Анатольевич, необходимо сообщить шифровкой Овакимяну, чтобы он передал Григулевичу условия и способы связи с агентом «Амуром» и выделил бы пятнадцать тысяч долларов Сикейросу на покупку оружия и тому подобное, о чем мы уже говорили... Второе: Эйтингон наделяется на период завершающего этапа подготовки и осуществления операции самыми широкими полномочиями для принятия самостоятельных решений. И не только по вопросам, связанным с операцией «Утка», но также и по вербовкам целевой агентуры без санкции Центра.

После этого Берия перевел взгляд на Григулевича и, приняв обычную рабочую позу в кресле, сказал:

– Вы и Сикейрос должны осознавать: без устранения Троцкого мы не можем, как показали события в Испании, быть уверены в поддержке нас единомышленниками по международному коммунистическому движению. В случае нападения фашистов на Советский Союз союзникам будет трудно выполнить свой интернациональный долг, потому что Троцкий, как я уже говорил, приложил и продолжает прилагать немалые усилия, чтобы расколоть это движение. Сейчас очень важно, чтобы левые силы не расплылись на какие-то ПОУМы и Четвертые Интернационалы. А эта опасность есть и будет сохраняться до тех пор, пока жив Троцкий.

Берия встал, вышел из-за стола и направился к Григулевичу. Фитин и Судоплатов, а за ними и Иосиф, тоже встали. Нарком подошел к разведчику-нелегалу, положил руку на его плечо и, словно благословляя на великое дело, вежливым, приятельским тоном заговорил:

– В Мексике возьмите себе новый псевдоним – «Фелипе». Так вас называли в плане мероприятий по операции «Утка». И пусть Сикейрос при инструктировании своих боевиков почаще ссылается на вас: «Фелипе» сказал», «Фелипе сообщил», «Фелипе» просил», «Фелипе» ориентировал», «Фелипе» обратил внимание» и тому подобное. Объясните Сикейросу, зачем это нужно, и пусть он почаще напоминает им, что они теперь имеют дело не с Мануэлем Бруксбанком и не с Хосе Окампо, которого хорошо знали по военным делам в Испании и по боевым операциям мадридской и барселонской резидентур Шведа, а с неким «Фелипе». Итак, вы теперь «Фелипе», но проживать вы должны по тем же документам Мануэля Бруксбанка.

– После ликвидации Троцкого, – продолжал Берия, – незамедлительно перебирайтесь в Аргентину и создавайте там свой нелегальный разведывательный центр с подрезидентурами в соседних государствах – Уругвае, Чили, Бразилии, Боливии. Да и в других странах Латинской Америки.

* * *

Вечером 23 мая 1940 года Давид Сикейрос и Иосиф Григулевич получили от Эйтингона указание приступить к выполнению операции. К полуночи они собрали в заранее обусловленном месте всех участников покушения, переодетых в одежды полицейских и военнослужащих. Сикейрос, переодетый в форму пехотного майора, не досчитавшись одного, спросил у старших групп:

– Кого нет среди вас?

– Нет Морриано Эррера Васкеса из моей группы, – сообщил Антонио Пухоль.

Сикейрос сморщился так, как будто проглотил больной помидор.

– Он что... побежал в полицейский участок сливать информацию? Я же видел его вчера в Санта-Роса¹⁷ при передаче денег ребятам. Так почему же его нет?!

– Потому что не надо было отвозить им деньги накануне проведения операции, – недовольно буркнул Антонио.

– Откуда я знал, что именно сегодня поступит команда о начале операции.

– После вашего отъезда из Санта-Росы ребята настолько упились, что сегодня они отправили его в Мехико за похмельем. Ну, а он, известное дело, сначала похмелился сам, да так крепко выпил, что затерялся на обратном пути.

– Откуда тебе стало известно об этом?

– Я только что вернулся из Санта-Росы, хотел забрать его на дело, но увы!

Окинув беглым взглядом толпу боевиков, среди которых было немало подвыпивших и с больной головой, Сикейрос, махнув рукой, сказал:

– Ладно Антонио, обойдемся без Эрреры. – И, взглянув на часы – было уже полтретьего ночи, – добавил: – Мною, товарищи, получен приказ приступить в четыре утра к выполнению операции «Утка» в Койоакане. – Он снова бросил взгляд на часы. – Ровно через час мы должны уже быть на улице Вены...

Внимание боевиков к майору стало безраздельным.

– Учтите, камарадо, нам предстоит действовать, – продолжал Сикейрос, – против хорошо вооруженных охранников. Среди них есть немцы, англичане и американцы. С внешней стороны вилла охраняется мексиканцами, то есть местными полицейскими. Их должна бесшумно обезоружить и связать группа Санчеса Эрнандеса. Она же будет караулить их до завершения

---

¹⁷ Небольшая деревушка в пригороде Мехико, где перед началом операции укрывалась часть боевиков.

операции. Группа Леопольдо Арреналья точно также поступает с внутренней охраной. Группе лейтенанта Антонио Пухоля предстоит брать штурмом особняк Троцкого. С этой же группой пойду и я. Уверен, что мы победим!..

– Почему вы так уверены? – вдруг раздался из толпы хмельной голос.

– Потому что я лично буду участвовать в покушении на Троцкого. У нас есть большое преимущество – элемент внезапности и то, что один из охранников на воротах – наш человек. Он откроет нам двери по условному сигналу и мы проникнем на виллу ровно в четыре утра, когда все будут спать мертвецким сном. Как торнадо, мы должны сокрушить все на своем пути...

– А вдруг вашего человека не окажется на месте, и он не откроет нам железные ворота? – прервал Сикейроса все тот же хмельной голос из толпы.

– В таком случае мы начнем штурм высоких стен. Все необходимое для этого у нас есть – и морская веревочная лестница, и ножницы для резки колючей проволоки над стеной, и инструмент для взлома чего угодно, и кое-что еще. Если даже нас обнаружат в момент штурма и завяжется перестрелка, все равно мы должны действовать решительно. Во что бы то ни стало мы обязаны проникнуть в дом. Там в течение пяти минут мы должны решить поставленную задачу по ликвидации Троцкого. После этого сразу же возвращаемся к выходу, где кроме наших машин будут стоять старый «форд» и новенький «додж». Быстро садимся в них и исчезаем с объекта. Ключи от машин будут в замках зажигания. Их вставит наш человек из охраны. – Подумав, Сикейрос добавил: – И последнее, о чем я должен еще раз предупредить всех: уничтожение кого-либо из охранников в нашу задачу не входит.

– А как быть с четвероногими охранниками? – поинтересовался Леопольдо Арреналь.

– Я же говорил вам, что специально выдрессированные самим Троцким собаки способны разорвать любого постороннего человека. Вот их-то вы и можете уничтожать, применяя оружие. Учитывая, что через некоторое время после завершения операции полиция начнет поиск напавших на виллу, напоминаю вам еще раз, что в случае последующего ареста кого-нибудь из нас никто не должен ни в чем признаваться. И уж тем более выдавать наших друзей. А теперь, если кто-то из вас сомневается в успехе дела, то может покинуть нас... Есть такие? – Сикейрос окинул взглядом молчавшую толпу и, подождав еще секунд пять, сказал: – Ваше молчание я расцениваю как согласие участвовать в операции. – И, посмотрев на часы,скомандовал: – А теперь все по машинам!

Без четверти четыре боевики Сикейроса прибыли на место. Оставив транспорт за квартал от резиденции Троцкого, они пешком направились к вилле. При подходе к ней от общей группы отделилось шесть боевиков во главе с капитаном Санчесом Эрнандесом. В темноте они бесшумно подкрадывались к охранникам, вырывали оружие, затыкали кляпом рот и связывали каждого веревками. Через сорок секунд, – именно столько времени отводилось на то, чтобы обезоружить и положить на землю всю наружную охрану, – капитан Эрнандес лучом фонарика подал сигнал Сикейросу.

Увидев свет от фонаря, Сикейрос махнул рукой и, увлекая за собой боевиков, устремился к воротам. Нападавшие на полусогнутых ногах, пригнувшись, словно исполняя какой-то зловещий танец ацтеков, побежали вслед за своим командиром. У входной двери в патио¹⁸ Сикейрос надавил на кнопку звонка. И сразу же из-за двери отозвался негромкий юношеский голос:

– Кто там?

– Это Пабло из Барселоны, – также негромко ответил словами пароля Сикейрос.

– Ну, если это Пабло из Барселоны, тогда заходите, – отозвался агент «Амур», отворяя ворота.

---

¹⁸ Внутренний дворик.

Как только они распахнулись, в них стремительно ворвалась группа боевиков, возглавляемая Леопольдо Арреналем. Забrehавшие собаки оказались привязанными к своим конурам. Застигнутые врасплох сонные охранники не успели даже вскрикнуть и взяться за оружие. Связав их и закрыв в отдельную комнату, боевики отключили звуковую сигнализацию, электричество, перерезали телефонные провода и подали Сикейросу сигнал к началу штурма дома-крепости. Нападавшим боевикам до мельчайших подробностей было известно расположение комнат в особняке, хотя никто из них прежде в нем не бывал. План резиденции Троцкого был добыт через ранее внедренную в секретариат койоканского затворника агентессу Патрию¹⁹. Схема расположения комнат была потом подтверждена другим агентом советской разведки – Раймондом²⁰.

В дом, окруженный деревьями с причудливо перемежавшимися пышными декоративными агавами и кактусами, первыми ворвались Давид Сикейрос и Антонио Пухоль, а за ними и остальная группа боевиков. Началась беспорядочная пальба из автоматов и ручного пулемета Томпсона. Послышался звон разбитого стекла, шум падающих со стен кусков бетона и страшный детский вскрик: «Деда, деда, деда!».

Троцкий испуганно запричитал:

– Они похитили Севу... Они похитили его... Они похитили...

Жена, понимая, что если и дальше лежать в постели, то ей и мужу не остаться в живых, столкнула всхлипывающего Троцкого на пол и вместе с ним забилась в угол под кровать. Тем временем Давид Сикейрос и Леопольдо Арреналь вбежали в спальню со стороны детской и открыли огонь. Они стреляли, не целясь, отчаянно и яростно. С противоположной стороны к ним присоединился Антонио Пухоль с ручным пулеметом. От перекрестного огня стреляные гильзы дождем сыпались на пол. Спальня мгновенно наполнилась пороховой гарью, внутрикомнатная перегородка, продырявленная автоматными и пулеметными очередями, искривилась и накренилась. Казалось, что внутри дома, не говоря уже о спальне, пули все смели на своем пути, не оставив его обитателям шанса на выживание. Боевики постоянно перебежали с места на место, и тем самым создавалось впечатление, что нападавших на виллу было намного больше, чем на самом деле. Страх парализовал охранников внутри дома, они все попрятались, прикрываясь выступами стен, или полегли на пол.

Через пять минут по сигналу Сикейроса свинцовая вакханалия прекратилась, и в окна полетели зажигательные снаряды и взрывные устройства, но ни те, ни другие не сработали.

Решив, что все, кто находился в спальне, теперь спят вечным сном, Сикейрос отдал команду к отходу. На фоне начинавшегося мутного рассвета человеческие фигурки устремились к стоявшим напротив железных ворот старому «форду» и новенькому «доджу».

¹⁹ Перевод с испанского – «Родина» – таким псевдонимом подписывала свои донесения в Центр агент-нелегал советской разведки Африка де Лас Эрас. Испанка по национальности – она родилась в 1910 г., в годы Великой Отечественной войны являлась радисткой партизанского отряда «Победители». После окончания войны 22 года работала на советскую разведку в различных странах мира. Умерла полковник «Патрия» в 1988 г. Похоронена в Москве.

²⁰ Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, 1914 г. р., испанец. Завербован советской разведкой в годы гражданской войны в Испании, после окончания которой под видом бельгийского бизнесмена Жака Морнара по рекомендации Иосифа Григулевича (Мануэля), хорошо знавшего Меркадера – комиссара одного из отрядов республиканской армии, был внедрен в окружение Льва Троцкого как любовник его секретарши, американской троцкистки Сильвии Агеллофф. После вывода Патрии с койоканской виллы Жак Морнар сблизился с близкими друзьями Троцкого Маргаритой и Альфредом Росмерами, через которых он познакомился и с самим хозяином виллы. Эпизодически бывая у него, Морнар постепенно завоевывал его доверие, восхвалял его как «сильную личность» и неоднократно предлагал ему финансовую помощь для улучшения деятельности созданного им IV Интернационала. После неудачного покушения на жизнь Троцкого группы боевиков Сикейроса, агенту Рамону было поручено ликвидировать его. Справившись с поставленной задачей, Рамон не успел скрыться с места преступления, был арестован и осужден на 20 лет. Отбыв срок наказания, Меркадер выехал в Советский Союз, жил в Москве на Фрунзенской набережной под именем Рамона Ивановича Лопеса. 31 мая 1960 г. ему было присвоено закрытым Указом звание Героя Советского Союза. Впоследствии он выехал из СССР на Кубу и скончался там. По воле покойного урна с его прахом была вывезена в Москву и захоронена на Кунцевском кладбище.

Как только все уселись, машины выехали за пределы виллы, где к ним присоединились еще два автомобиля с группой капитана Санчеса Эрнандеса. Боевиков, живших в Мехико, развезли по домам, остальных отправили на ту же базу в деревне Санта-Роса.

* * *

Утром 25 мая 1940 года радио Мексики сообщило потрясающую новость: «Два часа назад группа неизвестных лиц в полицейской и армейской форме совершила в Койоакане на улице Вены вооруженное нападение на виллу Троцкого. Ранее наше правительство предоставило этому человеку политическое убежище. Нападавшие разоружили охрану виллы и обстреляли спальню, выпустив по ней более трехсот пуль. Однако никто из находившихся в доме не пострадал²¹. Троцкий, его жена и внук остались живы. В настоящее время полиция ведет расследование»²².

Услышав это радиосообщение, Григулевич похолодел: «Такого не может быть?!» У него учащенно забилося сердце, перехватило дыхание, виски сжало, словно щипцами. Недоумение и раздражение – все слилось. «Я же сделал все возможное для успешного проведения операции: подобрал надежных людей, хорошего руководителя операции. И на тебе! Все псу под хвост! Что же теперь будет, когда узнает Берия? – спросил самого себя Иосиф. – И зачем я согласился не участвовать в этой операции! Если бы я принял на себя руководство, то все было бы по-другому. А теперь мне несдобровать...»

Навязчивая черная мысль об отмщении Берией не давала Григулевичу покоя, его все больше тревожило: «Как же могло так получиться: выпущено более трехсот пуль, и ни одна не попала в цель? Может быть, при покупке вместо боевых патронов продали холостые? Но это же можно будет проверить, если у кого-то из боевиков остался хоть один патрон...»

Григулевич решил встретиться с Сикейросом. По дороге в мастерскую художника Иосиф купил свежий номер газеты «Эль Популяр» и первым делом обратил внимание на колонку новостей. Из нее он узнал об исчезновении с койоаканской виллы охранника Троцкого Роберта Шелдона Харта. «Что это?.. Предательство агента «Амура» или целенаправленная дезинформация? – Григулевич все больше погружался в раздумья о причинах неудачного покушения. – Можно было бы оправдать эту неудачу, если бы в операции участвовали неподготовленные люди, а то ведь были отважные и решительные бойцы во главе с комбригом Сикейросом. Да и само нападение было не импровизированным, а заранее подготовленной акцией, отработанной на базе Санта-Роса. Что же все-таки произошло там?...»

---

²¹ Лев Троцкий и его жена не попали под смертельный шквал пуль только благодаря тому, что оказались во время пальбы в мертвом пространстве, образовавшемся в углу комнаты под кроватью. Возникший пожар Троцкие и его охрана после отъезда боевиков потушили сами. Впоследствии в печати была выдвинута версия, что Лев Троцкий сам организовал покушение на себя, чтобы таким образом скомпрометировать И. Сталина в глазах мировой общественности. Потом эта версия не нашла своего подтверждения.

²² Расследование возглавил начальник секретной службы национальной полиции Санчес Салазар. Его агенты в тот же день обнаружили за стеной резиденции Троцкого веревочную лестницу, электропилу, топор и другие вещдоки преступления, брошенные боевиками. Потом были найдены за городом «форд» и «додж» с оставленной в них одеждой полицейских и военных и одним патронташем с патронами 38-го калибра. Для ускорения процесса расследования Троцкий подсказал Салазару, что к покушению на него причастны, якобы, лидеры мексиканской компартии и Конфедерации трудящихся, возглавляемой Ломбардо Толедано. В ответ на это компартия и Конфедерация, опровергнув домыслы Троцкого, сделали в печати официальное заявление о том, что покушение на жизнь Троцкого – это своего рода покушение на правительство Мексики и потому в очередной раз потребовали от президента Карденаса изгнания из своей страны койоаканского затворника. Тем временем полицейская агентура работала не покладая рук, и один из агентов во время обеда в баре подслушал разговор за соседним столом о продаже за неделю до нападения на виллу Троцкого трех комплектов полицейской формы. Через захмелевшего болтуна полиция вышла на тех лиц, которые купили эту форму, а затем в ходе следственных действий были выявлены многие участники операции «Утка».

В мастерской Давида Сикейроса он застал сидевших за столом с окаменевшими лицами Леопольдо Арренала и Антонио Пухоля. На столе стояли стаканы и наполовину опорожненный графин текилы.

– Присаживайся, Мануэль, – мрачно произнес Сикейрос. Он плеснул из графина в стакан и, протягивая его гостю, сказал: – Выпей с нами, так легче переносить неприятности.

– Это ужасно, товарищи, что вы провалили такое дело! – произнес Иосиф, усаживаясь напротив Сикейроса.

– Самое страшное нас может ждать впереди, – перебил Антонио Пухоль, и слабая улыбка искривила его губы. – После этой неудачи ребята из Санта-Росы могут теперь запить и где-нибудь проговориться о покушении на Троцкого...

Григулевич был ошеломлен – такое ему просто не могло прийти в голову. После небольшой паузы он спросил:

– Я не понимаю, как могло случиться, что вы стреляли по спальне, выпустили, как сообщалось утром по радио, более трехсот пуль, и ни одна из них не попала в спящих? Куда же вы стреляли? В потолок, что ли?

Крупное продолговатое лицо Сикейроса нервно дернулось. Не глядя на Иосифа, он отхлебнул из стакана текилы и только после этого, старательно подбирая слова, заговорил:

– Там творилось что-то несусветное. Под градом пуль постель Троцкого должна была превратиться в кровавое месиво. Но как он остался жив, нам совершенно непонятно. Какой-то злой рок! Ну не мог он и его жена остаться невредимыми!

Григулевич, совершенно подавленный, остекленело уставился в невидимую перед собой точку, потом отрешенно спросил:

– Но вы хоть проверили, были ли супруги Троцкие в постели?

– Нет, ничего мы не проверяли, – ответил Арреналь.

– Это и была ваша главная ошибка, – заметил Иосиф. – Скорее всего, Троцкого в спальне не было. Его мог предупредить перед началом операции тот же Шелдон Харт. Возможно, он и в самом деле предатель?

– Мы обсуждали эту версию, – продолжил его мысль Сикейрос. – Наверное, так оно и было: Харт предал нас и уехал вместе с нами, исчез с виллы на угнанном «додже», чтобы мы его не заподозрили. Но если Шелдон Харт был подсадной уткой, то кто же внедрил его в наши ряды?

Лицо Григулевича менялось на глазах присутствующих: оно делалось то гневным, то печальным и выражало соответствующую гамму чувств – то смятение, то отчаяние, то ярость.

Иосиф представил себе, что будет со всеми ними, если агент «Амур» действительно окажется предателем²³ и именно он выдал их полиции.

Тяжелое, напряженное молчание длилось несколько секунд, потом Григулевич расстроено заговорил:

– Это я включил Харта в операцию «Утка». А где он сейчас?

– На Ранчо-де-Тланинилапа. На нашей загородной базе.

– Но он же может сбежать оттуда и выдать полиции всех вас?!

– Не сбежит. – Сикейрос посмотрел на свои наручные часы. – Он уже мертвец.

– Как мертвец? Откуда вам это известно?

– Три часа назад я встречался с Томом, – продолжал Сикейрос. – Он приказал мне направить кого-нибудь из надежных людей на Ранчо-де-Тланинилапа для ликвидации внедренного тобой Шелдона Харта²⁴.

---

²³ «Амур» – Роберт Шелдон Харт не был предателем. Не считал его таковым и оставшийся в живых Лев Троцкий, который убеждал полицию, что его охранник тоже оказался жертвой сталинского покушения.

²⁴ Американец Шелдон Харт был убит в Санта-Роса на Ранчо-де-Тланинилапа и там же был закопан в одном из сараев. Впоследствии труп Харта был найден и опознан охранниками койоаканской виллы Троцкого. Сам Троцкий не считал его

Григулевич был окончательно сбит с толку и обозлен.

– А вдруг окажется, что он не был виновен в провале этой операции? Могли же быть и другие причины, позволившие Троцкому остаться в живых... Нет, я не нахожу больше сил говорить об этом.

– Да и не надо ничего говорить! – гневно выпалил Сикейрос. – Давай-ка лучше пропустим еще по одному стаканчику текилы и забудем про все. – Взяв со стола графин, он плеснул Иосифу в стакан.

Григулевич торопливо замотал головой:

– Нет, Давид, ничего забывать нельзя. Троцкий и вирусы троцкизма должны быть уничтожены. Любая задержка влечет за собой еще большую опасность, ты это знаешь не хуже меня...

За столом стало тихо.

– Сегодня, при встрече с Томом, – наконец произнес Сикейрос, – я предложил повторить тем же составом ту же акцию и на той же улице Вены...

– Но теперь уже никто не откроет вам ворота резиденции, – не дал договорить ему Григулевич. – Другого такого «Амура», каким был в охране Троцкого Харт, у нас больше нет.

– А мы обойдемся без «амурной» помощи. У нас имеются веревочные лестницы, есть ловкие ребята-скалолазы и много оружия. Через неделю мы будем готовы заново начать штурм крепости.

– Ты говорил об этом Тому?

– Говорил.

– И как он отреагировал?

– Отрицательно. Сказал, что существует уже запасной вариант покушения на Троцкого²⁵. А какой именно, по соображениям секретности он не стал мне рассказывать.

Иосиф задумался. Он понял: если Том не выполнит указание Берии ликвидировать главного врага Сталина, то по возвращении в Москву ему грозит смертный приговор.

– Ты чего закис, Мануэль? – прервал его размышление Сикейрос. – Выпей с нами немного текилы, и потом поедем вместе в ресторан «Амбассадор». Пребывать и дальше в таком нервном состоянии нам нельзя!

– По соображениям личной безопасности я не могу пойти с вами в ресторан – это многолюдное место. И вам не советую. Неужели вы не понимаете, что это опасно для всех нас?! – Иосиф вышел из-за стола, попрощался с каждым и покинул мастерскую Сикейроса...

виновным в происшедшем нападении и распорядился прибить на стене своего дома памятную металлическую доску с полным именем и фамилией погибшего.

²⁵ Испанец Рамон Меркадер 20 августа 1940 г. как друг семьи Троцкого вошел в его рабочий кабинет и ударил ледорубом по голове. Но удар не был настолько сильным, чтобы сразу наступила смерть. Он даже не потерял сознания и, когда охранники набросились на Меркадера и стали колотить его рукоятками пистолетов по голове, приказал не убивать его. Сам же Троцкий от тяжелого ранения скончался на другой день.

Глава 3. Любовь – высшая степень переживаний

После неудачного покушения на Льва Троцкого Григулевич совсем скис. Эйтингон, который проводил с ним очередную явку, заметил это и, чтобы как-то вывести его из подавленного состояния, предложил Григулевичу познакомиться с мексиканской девушкой с красивым именем Лаура.

– Фамилия ее Агиляр Араухо, – пояснил Леонид Александрович. – Не замужем. Ей двадцать четыре года. Она – учительница. Три года назад вступила в компартию Мексики. Сейчас – руководитель секции профсоюза учителей. Характеризуется положительно. Человек ответственный и надежный. Проверь ее на конкретных поручениях, изучи по месту жительства, и, если убедишься, что она может стать твоим хорошим курьером и связницей, то я готов санкционировать ее вербовку от имени Коминтерна. Предлог для беседы – борьба с коричневой чумой. Если будет сотрудничать с нами честно и с желанием, можешь потом раскрыть себя, сказать ей, что ты советский разведчик. На проверку и изучение ее даю один месяц.

– А где я могу встретиться с этой таинственной амазонкой?

– На центральной площади Сокало. У старого Кафедрального собора. Ты встретишься с ней там через два дня в семь вечера. Она должна первой обратиться к тебе с паролем: «Как пройти к дворцу Чапультепек?»

...Невысокая хрупкая девушка, одетая в черный свитер и черную юбку, подошла к нему неожиданно со стороны улицы Мадеро и остановилась перед ним как вкопанная. Несколько секунд она рассматривала его словно картину в художественном музее, потом, будто случайно, обронила:

– Вы меня ждете?

– И вас тоже, – не растерялся Иосиф, ожидая от нее слова пароля.

Она была недурна собой: высокий прямой лоб, карие кастильские глаза, красивое точечное личико, горделивая осанка и уверенность в спокойном взгляде. Чем дольше он смотрел на нее, тем громче начинало колотиться его сердце. Стройные линии ее девичьего тела действовали на него притягивающе. Многие годы занятый подпольной революционной деятельностью, он не испытывал особого влечения к женскому полу, тем приятнее было ему осознавать, что оно возникло. Заметив, что смуглое лицо девушки изменилось, стало озабоченным и напряженным, он с намеком на пароль взволнованно проговорил:

– Может быть мы вместе прогуляемся до дворца Чапультепек? Кстати, как вас зовут?

И тут она вспомнила о пароле, но не назвала его, а легонько пожала худыми плечиками, улыбнулась грустной, но доверчивой улыбкой и тихо спросила:

– А вы кто? Родригес или Мануэль?

– И тот и другой – это все я. А вы кто?

– Меня зовут Лаура. – Лицо ее потеплело, тонкие ярко-красные губы тронула едва заметная улыбка и, подойдя поближе к нему, она стала рассматривать его без стеснения. Григулевич понравился ей: он был на голову выше нее и красив собой – карие веселые глаза, умное благородное лицо и будто нарисованные черным жирным карандашом привлекательные усики. Она продолжала смотреть на него умиленными глазами и ничего не могла с этим поделать.

Иосиф тоже, как зачарованный, нежно смотрел на ее природное изящество, так не характерное для многих молодых и полных латиноамериканок, которых он не раз встречал на улицах Мехико и Буэнос-Айреса.

– И долго мы будем тут стоять? – улыбнулась она, и карие глаза ее засверкали, как драгоценные камни.

Первоначальная мягкость и приветливость Григулевича исчезла.

– Между прочим, вы должны были назвать мне пароль, чтобы удостовериться, что я являюсь именно тем человеком, с которым вам надлежало встретиться.

Лаура, кивнув, рассмеялась.

– Том очень точно обрисовал мне ваш внешний облик, поэтому я и подошла к вам так смело и уверенно. Но если вы продолжаете не доверять мне, то, пожалуйста... Вот пароль: «Как пройти к дворцу Чапультепек?»

– Это уже другое дело! К дворцу Чапультепек мы можем вместе пройти по бульвару Пасео-де-ла-Реформа. И если бы вы сразу назвали эти слова пароля, то мы не стояли бы так долго здесь.

– Ах, вот как! Оказывается, я виновата? – Улыбка Лауры приняла оттенок ироничности.

– Вы ни в чем не виноваты... Но таковы законы моей работы, – ответил серьезно Иосиф.

– И в чем же выражается ваша работа?..

– Я – работник Коминтерна и этим все сказано. Давайте все же пройдемся до дворца Чапультепек.

– Скажите, Мануэль, а зачем я понадобилась вам? – поинтересовалась она, шагая рядом с ним.

– Чтобы защитить вас, мексиканцев, – полушутя ответил Григулевич и попросил называть его на «ты».

– А от кого защищать, если не секрет?

– От германского фашизма и американского империализма, – продолжал он с юмором вести разговор.

Ей нравился его беспечный голос и неторопливые, остроумные ответы на вопросы. И вообще он был ей по душе.

– Если я правильно поняла, ты не любишь немцев и американцев.

– Если говорить серьезно, я, действительно, не люблю немцев за фашизм и развязанную ими войну в Европе, – согласился он.

– А как же быть с Моцартом, Бетховеном и Вагнером?

– Германия для меня – это прежде всего фашизм, а потом уже Моцарт, Бетховен и Вагнер, музыку которых я всегда высоко ценил. А к американцам я отношусь неприязненно за то, что они вмешиваются во внутренние дела стран Латинской Америки, в частности Мексики.

– Ну хорошо, что же в таком случае требуется от меня, простой учительницы? Чтобы я тоже не любила немцев и американцев?

– Нет, не это. Я прошу тебя рассказать все о себе.

– Зачем тебе это?

– Сейчас объясню. В Европе, как известно, молодой человек ухаживает за девушкой долго и тактично, окружает ее вниманием, старается сам изучить ее мысли, взгляды на жизнь и тому подобное. А в Испании другой обычай: брать понравившуюся девушку штурмом...

– Извини, Мануэль, что перебиваю, мне, конечно, нравятся умные и уверенные в себе молодые люди, но при одном условии, если они не лезут обниматься с первых минут знакомства...

– Да не к тому я клоню! – щелкнул он пальцами с досады. – Девушку берут там штурмом для того, чтобы от нее самой получить всю информацию, а не растягивать время на долгое изучение и длительные свидания.

– Значит, ты испанский «штурмовик», – съязвила побежденная его объяснением Лаура. – Хорошо, я расскажу тебе свою родословную...

Собравшись с мыслями, она начала рассказывать ему о себе и своих родителях.

Из ее рассказа Иосиф понял, что большую часть жизни она прожила в административном центре штата Агуаскалиентес. Ее отца многие знали как прилежного работника местного железнодорожного узла и как благочестивого человека. В их семье – десять мальчиков и две

девочки. После работы отец обычно собирал детей вокруг себя и рассказывал им волшебные сказки, древние истории о своих предках, а также об ацтеках, майя и вожде Монтесуме. По выходным дням он брал с собой дочь Лауру на политические манифестации, марши протеста и забастовки, на которых она вместе с демонстрантами тоже грозила своими маленькими кулачками и выкрикивала какие-то лозунги. Огонь ее политических устремлений и убеждений разгорелся несколько позже, Лаура училась тогда в педагогическом институте и на третьем курсе вступила в ряды Мексиканской компартии. Вместе с другими добровольцами она даже намеревалась поехать в Мадрид на защиту республиканской Испании. Но ее желанию не суждено было сбыться – неожиданно умер отец. Оставить же мать, нигде не работавшую, с целой дюжиной детей она не решилась. Чтобы как-то облегчить ее положение, Лаура при содействии своего состоятельного дяди Хосе Араухо, известного в Мексике врача по раковым заболеваниям, уговорила мать переехать из далекой провинции Агуаскалиентес на жительство в столицу Мексики, где Лаура получила не только престижное место работы, но и гораздо большее, чем в бывшей провинции, поле общественно-политической деятельности.

С интересом выслушав ее и совсем забыв, кто он и зачем пришел на встречу с Лаурой, Иосиф стал рассказывать ей о своей судьбе. Он утаил лишь подпольную работу в Литве, Польше и Франции, и, разумеется, свою тайную связь с Советским Союзом. Потом они много говорили о высоком предназначении учителя в обществе и о том, что это великое и ответственное дело не каждому удается.

За душевной беседой они не заметили, как подошли к подножию холма, где располагался Чапультепек. С первой минуты дворец поразил Иосифа своей высотой. Узнав от Лауры, что Чапультепек служил долгое время резиденцией мексиканских президентов, он поднялся вместе с ней на вершину холма, чтобы посмотреть оттуда на Мехико. Пальмы и платаны украшали столичные авениды красными и нежно-фиолетовыми тонами, утопали в ярких цветах парки и скверы. Но больше всего изумляли памятники доколумбовых времен и причудливые дворцы прошлого века. Глядя на все это, Григулевич невольно подумал, что ему чертовски повезло со страной пребывания.

Спустившись с холма, они направились к центру города. Был теплый мартовский вечер. На очистившемся от облаков вечернем небе звезды необычно ярко мерцали таинственным светом. Из открытых дверей кафе и различных питейных заведений, забитых ансамблями марьячи²⁶, джазовыми оркестрами и просто любителями народной музыки, доносились то веселые и задорные, то грустные мексиканские мелодии.

Когда они оказались на безлюдной улице, Григулевич перешел к деловой теме разговора:

– У меня к тебе, Лаура, есть одна серьезная просьба. В Мексике нашли политическое убежище несколько тысяч эмигрантов из Испании. Среди них есть и мои коллеги по работе в Коминтерне. Все мы сейчас живем здесь нелегально, поэтому через каждые две-три недели мы меняем места обитания. Приближается время, когда нам придется пойти по второму кругу, то есть вторично заселяться в те же самые отели. Это может вызвать подозрение у полиции. Чтобы этого не произошло, нам необходимо хотя бы на полгода снять где-то три-четыре квартиры или комнаты. Одну из них лично для меня. И хорошо бы подобрать их в той части города, где не шастают полицейские. Может быть, у тебя найдутся такие знакомые, которые могут сдать жилье в аренду за хорошие деньги? Мы могли бы и сами походить по жилым кварталам Мехико, но, сама понимаешь, засвечиваться нам нельзя...

По мере того, как он говорил, выражение ее глаз то и дело менялось – они становились то беспокойными, то шаловливыми и загадочными, то укоризненными и плутоватыми. Не будучи уже уверенным, что Лаура согласится ему помочь в этом деле, Иосиф решил пойти на маленькую хитрость:

---

²⁶ Группы музыкантов в национальных нарядах мексиканского штата Гвадалахара.

– Лично для меня желательно найти небольшую комнатку поблизости от твоего дома. Лицо Лауры мгновенно засветилось, на нем появилась загадочная улыбка.

– А это зачем? – лукаво спросила она.

Поняв, что Лаура клюнула на его уловку, он с серьезным видом ответил:

– А это для того чтобы мы могли чаще встречаться.

– Это уже интересно, – медленно произнесла она и опустила глаза. – Это срочно надо?

– Чем раньше, тем лучше. Но делать это надо как можно осторожнее, полагаясь на надежных людей. Задача ведь не только в том, чтобы найти жилье, но и знать тех, кто будет сдавать его в наем. Это должны быть люди не болтливые и не любопытствующие о своих квартирантах. Лучше всего ориентироваться на тех, кто нуждается в финансовой поддержке.

– Прежде чем приступить к подбору квартир, я должна знать: для кого будут сниматься комнаты, – для мужчин или женщин, для семейных или для молодых людей? Это первое. Второе: жилье должно быть со всеми удобствами или не обязательно? И третье – это оплата. На какую сумму можно рассчитывать при заключении договора о квартирной сделке?

– Соглашайся на любую сумму. – Иосиф остановился, вытащил бумажник, отсчитал триста долларов США, вложил их в руку Лауры и с легкостью в голосе произнес: – Это задаток. На следующей встрече, когда ты будешь знать, сколько мы должны платить за каждую квартиру, получишь остальное. Теперь что касается твоих других вопросов: никто из моих товарищей, а их семь человек, требовать комфортных условий не будет. Главное, чтобы были кровати, постельные принадлежности, стол и пара стульев. Если будут интересоваться, для какой категории лиц ты снимаешь жилплощадь, можешь открыто сказать: для испанских эмигрантов. Все они моего возраста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.